

И.А. Виноградов (Москва, Россия)

«Повесть моего авторства» Гоголя как полемика (продолжение «Выбранных мест из переписки с друзьями»)¹

Аннотация: Ставится проблема названия полемического сочинения Гоголя, написанного в 1847 г. Это незаглавленное и опубликованное уже после смерти писателя произведение по традиции носит до сих пор редакторское название <Авторская исповедь>. В статье исследуются разнообразные идейно-художественные аспекты гоголевского сочинения. Устанавливается, что «повесть... авторства» Гоголя носит не «исповедальный», а по преимуществу учительный характер и подчинена особому проповедническому замыслу. В ней писатель полемизирует с своими оппонентами-западниками, выступая за патриотическое, государственно ориентированное служение. Автобиографическая часть в сочинении играет роль личного примера в утверждении религиозно-патриотических ценностей. Как в предшествующей книге – «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), Гоголь продолжает наставлять либерально-западническую аудиторию. Новое сочинение является развитием и упрочением идей опубликованной книги. Неточное заглавие затрудняет понимание авторского замысла и не способствует постижению того, что это произведение является программным изложением творческих принципов художника, главный из которых – «служить земле своей». Задача объяснения и апологии «Выбранных мест из переписки с друзьями» является здесь главенствующей. Отмечены многочисленные черты, отличающие гоголевское сочинение от церковного таинства исповеди, а также от жанра исповеди литературной. Прослеживается история происхождения редакторского названия, предлагается новое заглавие – <Авторская апология>. Детально обозначены особенности религиозно-пастырского подхода Гоголя к своим критикам. Указывается, что христианский тон примиряющего ответа определил выбор Гоголем в качестве средства проповеди своей писательской автобиографии. Уточняется время создания полемического сочинения и его связь с другими произведениями писателя.

Ключевые слова: Гоголь, биография, автобиография, творчество, критика, исповедь, проповедь, апология, проблема жанра, интерпретация, авторский замысел, духовное наследие

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором в МГУ имени М.В. Ломоносова на Международной научной конференции «Классика и современность (К 170-летию со дня смерти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского и 175-летию «Выбранных мест из переписки с друзьями»)» (март 2022 г.; отв. – проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова докт. филол. наук В.А. Воропаев; при участии МДА, ИМЛИ РАН, Гоголевской комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН): <https://www.philol.msu.ru/science/conferences/>

**“The Tale of My Authorship” by Gogol as a Controversy
(continuation of “Selected Places from Correspondence with Friends”)**

Abstract: The problem of the title of one of Gogol’s polemical works, written in 1847, is posed. Traditionally, this work, untitled and published after the writer’s death, still bears the editor’s title <The Author’s Confession>. The article explores various ideological and artistic aspects of Gogol’s work. It is established that Gogol’s “story... of authorship” is not “confessional”, but mainly teaching in nature and is subject to a special preaching plan. In it, the writer argues with his Western opponents for a patriotic, state-oriented ministry. The autobiographical part in the essay plays the role of a personal example in the affirmation of religious and patriotic values. As in the previous book, “Selected Passages from Correspondence with Friends” (1847), Gogol continues to instruct the liberal-Western audience. The new essay is a development and strengthening of the ideas of the published book. An inaccurate title makes it difficult to understand the author’s intention and does not contribute to the comprehension that this work is a programmatic presentation of the artist’s creative principles, the main of which is “to serve one’s land”. The task of explaining and apologising for “Selected passages from correspondence with friends” is paramount here. Numerous features are noted that distinguish Gogol’s work from the church sacrament of confession, as well as from the genre of literary confession. The history of the origin of the editorial title is traced, a new title is proposed – <Author’s Apology>. The features of Gogol’s religious-pastoral approach to his critics are outlined in detail. It is pointed out that the Christian tone of the conciliatory response determined the Gogol choice as a means of preaching his writer’s autobiography. The time of creation of the polemical essay and its connection with other works of the writer are specified.

Key words: Gogol, biography, autobiography, creativity, criticism, confession, sermon, apology, genre problem, interpretation, author’s intention, spiritual heritage

1

Главным событием литературной и общественной жизни России 1847 г. стал выход в свет гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями» – «самой патриотической книги нашей словесности»¹. Появление этого издания вызвало оживленную полемику, в том числе недоброжелательные отклики, прежде всего со стороны радикального критика В.Г. Белинского. Общественный резонанс побудил Гоголя выступить с ответом. Результатом этого явилось новое сочинение, которое предполагалось опубликовать в том же году, но которое при жизни писателя осталось неизданным.

¹ *Виноградов И.А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. №5. С. 416–426; *Виноградов И.А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / Ред. М.И. Щербакова. Ин-т мировой литературы имени А.М. Горького РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 77–94.

В рукописи произведение самим Гоголем не озаглавлено. Закрепившееся впоследствии за сочинением название, не вполне адекватное – <Авторская исповедь>, – было дано неозаглавленному произведению после смерти Гоголя издателями С.П. Шевыревым и Н.П. Трушковским (на этом мы еще остановимся). Вопреки ставшему общепринятым названию, <Авторская исповедь> является не столько исповедью, сколько автокомментарием к писательской биографии Гоголя и, подобно многочисленным авторским пояснениям к «Ревизору», представляет собой комментарий писателя к своей книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Несмотря на утвердившееся название, «исповедальность» этого произведения, носящего особый апологетический характер, условна. Заявленное здесь Гоголем намерение «чистосердечно <...> изложить всю повесть» своего «авторства»¹ существенно ограничено и подчинено задаче утишения страстей, разгоревшихся в обществе после выхода в свет «Выбранных мест...». Сочинение Гоголя, в соответствии с его содержанием, правильнее называть <Авторской апологией> (а не <Авторской исповедью>). В нем Гоголь отвечал на критику предшествующей книги и первоначально предполагал издать новое сочинение отдельной брошюрой одновременно с новым, полным и исправленным изданием «Выбранных мест...» (последняя книга была существенно сокращена в 1846 г. либеральным цензором А.В. Никитенко, приятелем В.Г. Белинского²).

Намерение изложить «повесть» своего «авторства» Гоголь заявляет не с первых строк этого произведения. Сама «повесть... авторства» (начинающаяся фразой: «Чтобы отвечать на этот запрос, я решаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повесть моего авторства...»; VI, 220) – и завершающаяся словами: «За это не следовало бы меня много осуждать, а выполнить, помня слова: просящему дай»; VI, 245) – хоть и составляет две трети, но все-таки не весь объем сочинения: ей предшествуют и последуют обширные фрагменты, где Гоголь разбирает конкретные отклики на «Выбранные места из переписки с друзьями». Составляющая сердцевину сочинения «повесть... авторства» самостоятельного значения не имеет, но в свою очередь подчинена задаче остановить критику «Выбранных мест...». Во всем произведении, в том числе в автобиографической части, Гоголь выступает последовательным апологетом своей предшествующей книги, а также, в связи с ней, всего пройденного творческого пути. Подразумеваемая то, что это сочинение Гоголя является цельным, всесторонним ответом на «толки и критики» по поводу «Выбранных мест...», можно было бы определить <Авторскую апологию> как объяснение по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» – или объяснение на книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Именно эта задача является главенствующей для неозаглавленного сочинения, этот пафос заявлен в самой первой его фразе: «Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как “Выбранные места из переписки с друзьями”» (VI, 215).

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 6. М.; Киев, 2009. С. 220. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

² Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н.В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245.

<Авторская апология> стоит в одном ряду с полемическим письмом Гоголя к Белинскому по поводу «Выбранных мест...» от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г. (письмо осталось неотправленным и, подобно апологии, при жизни Гоголя тоже не печаталось). Как и письмо, <Авторская апология> не была завершена: «...Сочинение не было окончательно отделано автором для печати»¹. Однако нельзя сказать, чтобы оно было совсем оставлено Гоголем. Сокращенным вариантом, по сути, новой редакцией <Авторской апологии> стало его письмо к В.А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя, которое писатель намеревался напечатать в новом издании «Выбранных мест...» вместо начальной главы «Завещание» под названием «Искусство есть примирение с жизнью» (VI, 250). Позднее, в самом конце жизни, он наметил поместить эту статью в пятом томе готовившегося им собрания сочинений среди статей из «Выбранных мест...» и «Арабесок» (VI, 260). Статья «Искусство есть примирение с жизнью» повторяет все главные положения авторской псевдо-«исповеди», а порой дословно с ней совпадает. История создания <Авторской апологии> и ее последующей редакции, статьи об искусстве, свидетельствует об их последовательном программно-полемическом характере.

2

Не будучи в полном смысле слова исповедью, <Авторская апология> потому ввела в заблуждение ее первых издателей, что само по себе гоголевское творчество носит в целом вполне определенный «исповедальный» характер². <Апология> соответствует этому общему характеру наследия Гоголя; она является звеном в ряду других его произведений-«исповедей» (хотя ни одно из них Гоголем «исповедью» названо не было). Так, в самой <Авторской апологии> писатель говорит, что часть его «исповеди» находится в его предшествующем сочинении – книге «Выбранные места из переписки с друзьями»: «...В ней есть моя собственная исповедь; в ней есть излишнее и души и сердца моего. <...> Исповедь человека, который провел несколько лет внутри себя...» (VI, 55). Об этом же Гоголь 5 октября (н. ст.) 1846 г. писал по поводу «Выбранных мест...» С.П. Шевыреву: «Там, между прочим, часть моей исповеди и объяснение того, что так смущало некоторых относительно моей скрытности и прочее» (XIII, 386). Последующую статью – «Искусство есть примирение с жизнью» – Гоголь тоже начинает с упоминания об исповеди: «Так как теперь предстоит мое путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи – здесь» (VI, 250).

Однако «исповедальность» самой «повести... авторства» носит ограниченный и сдержанный характер. <Авторская апология>, так же как ее последующая редакция – статья «Искусство есть примирение к жизни» (где авторских признаний стало заметно меньше), подчинена задаче примирения общества (а не является собственно исповедью). Наглядной иллюстрацией этого являются в апологии два значимых фрагмента, где Гоголь пытается утешить задетое самолюбие своего главного оппонента, радикального критика В.Г. Белинского. Эти фрагменты носят вполне «дипломатический», а отнюдь не исповедальный характер.

¹ Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // Соч. Н.В. Гоголя: В 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. 10-е изд. Т. 4. М.: Издание книжного маг<азина> В. Думнова, под фирмой «Наследники бр. Салаевых», 1889. С. 553.

² См.: Виноградов И.А. Психологизм Н.В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 6–73.

Белинский из содержания «Выбранных мест...» выводил с раздражением, что Гоголь «объявляет» в них «торжественно <...>, что не согласен с теми, которые хвалили» его сочинения¹. Между тем на самом деле нигде в «Выбранных местах из переписки с друзьями» открыто это «несогласие» не выражено: Белинский явно исходил из общего смысла книги и той задачи, которую она должна была выполнить, по предположению Гоголя, в сложившейся ситуации (когда «похвалы» Белинского, истолковывавшего гоголевские произведения в радикальном духе, были неприемлемы для самого писателя). В неотправленном письме к Белинскому от 20 июня (н. ст.) 1847 г. Гоголь, действуя в том же духе примирения, писал: «Как можно <...> из того, что я сказал, что в критиках, говоривших о недостатках моих, есть много справедливого, вывести заключение, что критики, говорившие о достоинствах моих, несправедливы?» (XIV, 315).

В <Авторской апологии> Гоголь повторял: «...Странным показалось мне, когда из одного места моей книги, где я говорю, что в критиках, на меня нападавших, есть много справедливого, вывели заключения, что я отвергаю все достоинства моих сочинений и не согласен с теми критиками, которые говорили в мою пользу» (VI, 218).

Одним из главных мотивов, побудивших Гоголя к изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями», было стремление писателя остановить развернутое журнальной критикой во главе с Белинским радикальное «погребение» настоящего смысла его художественных произведений². Шевырев, ожидая выхода в свет гоголевской книги, 6 ноября 1846 г. писал П.А. Плетневу: «Объявляют за важную весть, что Белинский, который будет заведывать критикой Современника, изменил уже свое мнение о Гоголе и напечатает ряд статей против него. Это послужит только к чести Гоголя – и давно пора ему для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносил ему Белинский»³. Такое же мнение высказывал ранее, в письме к В.А. Жуковскому от 17 мая 1846 г., князь П.А. Вяземский: «Как он <Гоголь> счастлив, что не читает в русских журналах того, что говорится о нем. Там, где бранят его, было бы для него еще сносно. Но он сам бы себе огадился, читая похвалы себе, например, в Отечественных записках»⁴.

Однако Гоголь, давая отпор Белинскому, считал при этом важным сохранить с критиком мало-мальски доброжелательные отношения. Целью Гоголя было в итоге привлечь Белинского на свою сторону. В письме к Вяземскому от 11 июня (н. ст.) 1847 г. Гоголь, имея в виду апологетическую статью последнего о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (за которую, казалось бы, писатель должен был только благодарить Вяземского), писал: «...Выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях, особенно о тех, которые прежде меня выхваляли (намек на Белинского. – *И.В.*). Мне кажется вообще, мы судим их слишком неумолимо. Бог знает, может быть, в существе многие из них добрые люди и влекутся даже некоторым, хотя отдаленным, желанием добра... <...> Бог знает, может быть, и нам будет сделан упрек в гордости за то, что мы несколько жестоко оттолкнули их, оскорбляясь какою-нибудь их дерзостью... <...> Мне же становится теперь жалок решительно всяк человек... <...> Мне кажется, как будто еще недо-

¹ <Белинский В.Г.> В.Б. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. Спб. 1847 // Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. III. С. 121.

² Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: В 7 т. Т. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 125.

³ Там же. С. 433.

⁴ Там же. С. 320.

статочно любви у всех нас <...>; мне кажется, как будто мы всё еще действуем не собственно против нечистой силы, подталкивающей на грехи и на заблуждения людей, но против самих людей, которых подталкивает на грехи нечистая сила. Самые наиболее любящие из нас еще не исполнены любовью к людям в такой степени, в какой исполнены ненавистью к их заблуждениям. Оттого и все статьи наши, подвигнутые самым искренним желанием добра, не вносят надлежащего примирения» (XIV, 296).

Шевыреву, в свою очередь, Гоголь, порицая приятеля за излишнюю осторожность по отношению к себе, выговаривал: «Лучше бы ты эту осторожность наблюдал в своих прежних перепалках с Белинским и другими литераторами; подслащиванье можно употреблять в деле с людьми, стоящими на *низшей* перед нами ступеньке воспитания...» (письмо от 11 февраля (н. ст.) 1847 г.; курсив мой. – И.В.) (XIV, 81). Имея в виду полемику приятеля с либеральными журналистами по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (полемику такую же апологетическую, как статья Вяземского), Гоголь 21 апреля 1848 г. писал ему: «Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и всё в свете, и что об одной только любви следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная истина. Кто проникнется ею, тот говори прямо обо всем: правда повеет от слов его» (XIV, 50).

Именно этими убеждениями руководствовался Гоголь, когда в ответ на ожесточение Белинского, смягчил полемику и написал в <Авторской апологии>, что по поводу его художественных сочинений «явились у нас очень замечательные критики, которые навсегда останутся памятниками любви к искусству, которые возвысили в глазах общества значение поэтических созданий» (VI, 218). О том, что под этими «замечательными критиками» Гоголь имел в виду прежде всего статьи Белинского, свидетельствуют строки его письма от 20 июня (н. ст.) 1847 г. к Н.Я. Прокоповичу, своему школьному приятелю – и знакомому Белинского: «Я прочел на днях критику во 2 № “Современника” Белинского. Он, кажется, принял всю книгу написанную на его собственный счет и прочитал в ней формальное нападение на всех разделяющих его мысли. <...> ...Как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет. Человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разума перед ним. <...> Пожалуйста, переговоры с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня» (XIV, 312). Эти слова, рассчитанные на то, чтобы их прочел Белинский, носили в значительной степени примирительно-дипломатический характер. Гоголь преследовал цель вернуть критика к так называемому «примирительному» периоду его деятельности.

Именно такой комплиментарный характер носят и строки Гоголя о «замечательных критиках» Белинского в <Авторской апологии>¹. Таким же дипломатичным, рассчитанным на примирение является высказывание Гоголя в <Авторской апологии> о том, что в оценке «Выбранных мест из переписки с друзьями» представителями разных партий были люди одинаково христианских убеждений, – о том, что и на стороне тех, кто осудил книгу, и на стороне тех, кто ее одобрил, были, по словам Гоголя, «равно верующие христиане» (VI, 216). Эти примирительные интонации гоголевского сочинения говорят о том, что заявленное здесь

¹ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя. Т. 2. С. 441–443; Т. 5. С. 776.

Гоголем намерение – «чистосердечно <...> изложить всю повесть» своего «авторства» (VI, 220) – подчинено более важной для писателя задаче общественного примирения, утишения вражды, продиктовано стремлением сохранить христианскую почву полемики.

Как можно судить по статье Белинского «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя», критик, встретивший гоголевскую книгу с «негодованием и бешенством»¹, был крайне обижен и оскорблен тем, что писатель не согласился с уготованной ему Белинским ролью служить «главой» «натуральной школы», т. е. одобрять то литературное направление, на котором настаивал критик, объединяя молодых писателей в свою либерально-западническую школу. Белинский писал: «Гоголь сам говорит, что “рожден он вовсе не за тем, чтобы произвести эпоху в области литературной, а затем, чтобы спасти свою душу”. Ergo <следовательно; лат.>: лгали те, которые провозгласили его главою новой литературной школы»².

В <Авторской апологии> Гоголь опять-таки не стал высказывать категорический отказ от этих сомнительных «похвал» критика, считая более важным повлиять на Белинского в нужном направлении (и через него – на возникающую школу русских литераторов). В неотправленном письме к критику от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь указал на настоящие, западные (французские) корни «натуральной школы» и предложил Белинскому вернуться к тем взглядам, которые тот исповедовал в «примирительный» период своей деятельности; при этом в <Авторской апологии> он дал критическую оценку французской писательницы Ж. Санд (почитаемой в качестве литературного образца представителями натуральной школы) и представил – тоже вместо открытого отказа быть «главою новой литературной школы» – свой автобиографический очерк как писателя, свидетельствующий о принципиальной несовместимости его творчества с произведениями последователей радикальной школы а la Белинский. В продолжении <Авторской апологии>, статье «Искусство есть примирение с жизнью», Гоголь добавлял: «...Искусство не разрушенье. <...> Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства» (VI, 253).

Имея в виду противопоставление Белинским религиозного «идеала жизни» «самой жизни», представленной в натуралистическом зеркале «реальной поэзии», которая «не пересоздает жизнь», а только «воспроизводит» ее³, Гоголь в <Авторской апологии> возражал: «...Писатель-творец творит творенье свое в поученье людей. <...> ...Для того чтобы передавать одну верную копию с того, что видим перед глазами, есть <...> другие писатели, одаренные <...> способностью живописать, но лишенные способности творить. <...> Нужно, чтобы в создание его жизнь сделала какой-нибудь шаг вперед и чтобы он, <...> ставши в уровень с веком, умел обратно воздать ему за наученье себя наученьем его. <...> Возвратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно» (VI, 238).

Критикуя в <Авторской апологии> произведения Ж. Санд (отчасти исполняя этим поставленную им самим в этом же сочинении задачу «выгнать из голов» читателей «всех тех героев, которых напустили туда модные писатели»; VI, 238), Гоголь продолжил размышлять над темой, поднятой в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье «О том, что такое слово» – об ответственности за слово. Гоголь писал: «Известная французская писательница, больше всех других наделенная та-

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т.9. М.: Худож. лит., 1982. С. 623.

² <Белинский В.Г.> В.Б. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. Спб. 1847 // Современник. 1847. Т. 1. №2. Отд. III. С. 121.

³ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 141–146.

лантами, в немного лет произвела сильней измененье в нравах, чем все писатели, заботившиеся о развращении людей. Она, может быть, и в помышленьи не имела проповедовать разврат... <...> А слово уже брошено. Слово – как воробей, <...> выпустивши его, не схватишь потом» (VI, 239). По прямому свидетельству А.О. Смирновой, Гоголь не любил Ж. Санд. В 1843 г. в Риме он говорил: «У этой женщины нет искры правды, даже нет чутья истины. Она может только нравиться французам»¹.

3

Полемизируя с западниками (прежде всего с Белинским, который в 1847 г. произвольно разделит творчество Гоголя на два противоположных периода), писатель предпринял автобиографическое повествование, преследуя одну – и вполне определенную – полемическую цель. Само по себе это намерение существенно и принципиально отличается от целей исповеди. Не вступая в открытый, раздражающий идейных оппонентов спор, Гоголь, по его словам, хотел «дать возможность всякому справедливее обсудить» его как писателя: «...Чтобы увидел читатель, переменял ли я поприще свое <...>, или в моей судьбе <...>, как и во всем, следует признать участие Того, Кто располагает миром не всегда сообразно тому, как нам хочется...» (VI, 220). С первых строк своей автобиографии, задуманной с этой целью, Гоголь указывает на изначально проправительственный характер своего творчества, на свою приверженность, от юности, государственным интересам России. В этом отношении «исповедь» Гоголя, адресованная современникам, в том числе Белинскому, диктовалась не заботой о личной «литературной репутации» – как это, в частности, полагает один из современных комментаторов² (прибегая к сомнительному модному ныне термину «литературная репутация», искажающему действительные мотивы творчества русских классиков). Предупреждение об ошибочности такого взгляда на <Авторскую апологию> содержится в самом тексте гоголевского сочинения: «*Вовсе не затем, чтобы защищать себя с нравственных сторон моих, я подаю теперь голос*» (курсив мой. – *И.В.*) (VI, 220).

Введенная в заблуждение редакторским названием гоголевского сочинения – <Авторская исповедь>, современная исследовательница не без опрометчивости заявляет: «...Если поставить следующий вопрос: перед кем исповедуется автор? – то ответ будет однозначный. – Перед Белинским»³. Эпатажность и нелепость заявления очевидна. Возвращаясь к проблеме адекватности именованного гоголевского сочинения, следует сказать, что настоящая исповедь предполагает покаяние и изменение во взглядах, чего в авторской апологии Гоголя не только нет, но и не предполагается. Напротив, произведение служит развитием и упрочением глубоких религиозно-патриотических убеждений писателя, высказанных в предшествующей книге, выступает, вполне однозначно и недвусмысленно, продолжением принципиальной полемики с западниками. Нет в «повести... авторства» Гоголя и малодушного желанья оправдаться. Даже если допустить это, то и в этом случае название «исповедь» опять-таки не соответствовало бы содержанию этого сочинения. Сами по себе самооправдательные намерения настоящую исповедь серьезно дискредитируют и компрометируют. Свою писательскую автобиографию Гоголь приводит исключительно с целью вразумления критика и его последователей, а

¹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя. Т.4. С. 340.

² Луцевич Л.Ф. Авторрецепция как попытка формирования литературной репутации в <Авторской исповеди> Николая Гоголя // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2013. С. 176–184.

³ Там же. С. 180.

именно тем «лишним», или «огорченным», людям¹, которые отвергали государственное поприще служения России.

«...В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем... – “исповедуется”, а на самом деле *проповедует* Гоголь, – <...> я думал просто, что я *выслужусь* и все это доставит *служба государственная*. <...> В “Ревизоре” я решился собрать в одну кучу все дурное в России, <...> все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости... <...> ...Автор, <...> творя творенье свое, <...> *служит* в то же самое время так же *государству* своему, как бы он действительно находился в *государственной службе*. Мысль о *службе* у меня никогда не пропадала. <...> Прежде всего я хотел определить себе всякую должность, всякое сословие, всякое место и всякое звание в *государстве*. <...> Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей. <...> Я убежден, что теперь всякому тому, кто пламенеет желаньем добра, кто русский и кому дорога честь земли Русской, должно также брать многие места и должности в *государстве*» (курсив мой. – И.В.) (VI, 221–223, 228, 242).

В <Авторской апологии> Гоголь прямо повторял строки статьи «Страхи и ужасы России» (запрещенной в «Выбранных местах из переписки с друзьями» либеральным цензором А.В. Никитенко). В статье Гоголь писал: «На корабле своей *должности и службы* должен теперь всяк из нас выноситься из омута, глядя на Кормщика небесного. Кто даже и не в службе, тот должен теперь же вступить на службу и ухватиться за свою должность, как утопающий хватается за доску, без чего не спастись никому. *Служить* же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» (курсив мой. – И.В.) (VI, 131).

В <Авторской апологии> Гоголь повторял: «...Назначение человека – служить и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному, и потому иметь в виду Его закон. Только так служа, можно угодить всем: государю, и народу, и земле своей» (VI, 244). Высказывания Гоголя о собственном писательском труде как «должности и службе» были вполне однозначно направлены против оппозиционных взглядов писателей «натуральной школы» и всех тех, кто считал государственное поприще для себя «недостойным».

Вопрос о служении – и о гибели героя, пренебрегающего государственным служением, – был поднят Гоголем отнюдь не только в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Этот государственный вопрос был открыто поставлен Гоголем уже в так называемых его «петербургских» повестях – в «Записках сумасшедшего» и «Шинели», где выведены «вечные титулярные советники» Поприщин и Башмачкин. «Вечные» потому, что, согласно взгляду самого автора, эти герои пренебрегают своим духовным и служебным возрастанием: они не принимают ровно ничего к тому, чтобы перейти на следующую ступень служебной лестницы. Для получения следующего чина (после титулярного советника следовал коллежский ассессор) требовалась сдача университетского экзамена, т. е. требовалось расти и учиться. Но об этом гоголевские герои даже не помышляют:

¹ Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114; Виноградов И.А. «Лишние люди» русской литературы: новое в школьной теме // Stephanos. 2019. № 3(35). Май. С. 108–120; Виноградов И.А. «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 3. С. 188–209.

один из них мечтает об испанском королевстве, другой – погреб себя в механическом, бездушном переписывании.

4

Дополнительным свидетельством проправительственной, антизападнической направленности <Авторской апологии> могут служить переключки ее содержания с теми словами, которые Гоголь адресовал непосредственно писателям-западникам при личной встрече с начинающими литераторами-«натуралистами» в 1848 г.

До этого, в <Апологии>, Гоголь писал: «...В это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла. <...> ...Теперь, более чем когда-либо, нужно нам обнаружить внаружу все, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы все стремимся сеять, и лучше бы осмотрелись прежде, чем произносить что-либо так решительно, как ныне все произносят. <...> ...Теперь не только тот, кто пишет, но всякий ум вообще, <...> должен удержаться от деятельности. Из людей умных должны выступать на поприще только те, которые кончили свое воспитанье и создались как граждане земли своей...» (VI, 230).

Самому Белинскому Гоголь 10 августа (н. ст.) 1847 г., имея в виду безапелляционные суждения критика по целому ряду общественных вопросов, писал: «Наступающий век есть век разумного сознания; не горячась, он взвешивает всё, приемля все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной середины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен...» (XIV, 411).

То же самое Гоголь говорил уже после смерти критика его последователям, либеральным литераторам некрасовского «Современника», представителям «натуральной школы», когда специально организовал встречу с ними в Петербурге в 1848 г. П.В. Анненков, вспоминая это гоголевское «мероприятие», писал позднее И.С. Тургеневу: «Помню я, что <...> Гоголь находил необычайную пользу для литературы в тогдашней системе цензурного ограничения: это, говорил он, временной арест, чтобы заставить людей мыслить»¹. Спустя еще несколько лет Анненков в мемуарах вновь упоминал об этих словах Гоголя: «Он <...> продолжал думать, что <...> преследование печати и жизни не может долго длиться, и советовал литераторам и труженикам всякого рода пользоваться этим временем для тихого приготовления серьезных работ ко времени облегчения»². Такой же совет Гоголь давал в 1851 г. и самому Тургеневу, одному из ведущих представителей «натуралистов» (на встрече литераторов в 1848 г. Тургенев не присутствовал; он был тогда за границей). Гоголь советовал Тургеневу «не спешить печатать»³ и указывал, что правительственная цензура не только не вредна, но даже полезна начинающему литератору – «как средство развивать в писателе сноровку, умение защищать свое детище, терпение и множество других христианских и светских добродетелей». Как вспоминал Тургенев, цензуру Гоголь «чуть не возвеличивал, чуть не одобрял»⁴. Славянофил Ф.В. Чижов, встречавшийся с Гоголем в том же 1848 г., тоже записал в своем дневнике: «...Долж-

¹ *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. В 3 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 533.

² Там же. С. 529.

³ Там же. Т. 2. С. 271.

⁴ Там же. Т. 3. С. 825.

но признаться, что в моих мыслях больше личного самолюбия, нежели чистоты. Гоголь прав, – теперь людям надобно примолчать, иначе они заговорят глупость. В этих словах много мудрости»¹.

Подразумеваемая радикализм и нетерпимость не только западников, но и некоторых из своих друзей славянофилов (Аксаковых, Киреевских, Хомякова, Самарина), Гоголь продолжил в <Авторской апологии> и тему статьи «Споры» в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Все эти славянисты и европисты, <...> покамест <...> мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть...» (VI, 51). Гоголь пояснял: «Односторонность в мыслях показывает только то, что человек еще на дороге к христианству, но не достигнул его...» (VI, 66). В <Авторской апологии> Гоголь продолжал: «Я заметил, что почти у всякого образовывалась в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры» (курсив мой. – И.В.) (VI, 233).

5

Неточное именование незаглавленного сочинения Гоголя <Авторской исповедью> заслоняет от читающего и то обстоятельство, что это произведение является не столько «исповедью», сколько творческим манифестом писателя – изложением его кредо, принципиальных особенностей творческой лаборатории. Гоголь сформулировал здесь целый ряд принципов своей поэтики (главные из которых, во-первых, – «служить земле своей» (VI, 79, 244); во-вторых, – писать так, «чтобы русский читатель действительно почувствовал, что выведенное лицо взято именно из того самого тела, из которого создан и он сам»: «Тогда только сливается он сам с своим героем и нечувствительно принимает от него те внушения, которых никаким рассуждением и никакою проповедью не внушишь»; VI, 235).

В этом отношении <Авторская апология> также является органичным продолжением «Выбранных мест из переписки с друзьями», где Гоголь еще более подробно обозначил важнейшие для него «источники» русской словесности: народные пословицы и песни, слово церковных пастырей и церковные песни и каноны, а также два «новых» начала русской поэзии, обязанных, по Гоголю, своим происхождением петровским преобразованиям.

Согласно размышлениям писателя, принятие Петром I императорского титула открыло России ее истинное поприще – быть великой православной Империей, служащей спасению душ подданных, опорой и средоточием всего славянского православного мира. С этим Гоголь в «Выбранных местах...» прямо связывал происхождение одического начала русской поэзии: «Вот почему поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать в одно и то же время восхищение от света, внесенного в Россию, изумление от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность царям, того виновникам» (VI, 157); «Восторг этот отразился в нашей поэзии, или лучше – он создал ее» (VI, 157). Гоголь отмечал, что с эпохи Петра «стремление к свету стало нашим элементом, шестым чувством русского человека, и оно-то дало ход нашей нынешней поэзии, внося новое, светоносное начало», которое хотя и вызревало, но которого еще «не видно было» в четырех упомянутых самобытных источниках русской поэзии (VI, 157).

В то же время в предшествующей книге Гоголь указывал, что разбуженное деятельностью Петра «стремление к свету» породило не только русскую высокую оду, но и русскую обличающую сатиру. Про последнюю Гоголь замечал: «Беспо-

¹ Там же. С. 63.

щадная сила <...> насмешки <...>. Это продолжение той <...> брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром, которая всякого благородного русского дела-ет уже невольно ратником света» (VI, 187).

Именно эти два начала русской поэзии – восторг и сатиру – Гоголь и подчеркнул еще раз, и даже дважды, в <Авторской апологии>. Здесь он заговорил о присущих ему самому «возносящей силе лиризма и поражающей силе сарказма» (VI, 238); и во второй раз – о вдохновляющей, позитивной «лирической силе» и суровой, разоблачающей «силе смеха» (VI, 225), т. е. опять-таки подчеркнул свое собственное патриотическое, проправительственное, в духе русских императоров, самого Петра, служение.

6

С существенной оговоркой следует также воспринимать слова Гоголя в <Авторской апологии> о том, будто его первые печатные произведения были для него лишь «развлечением», без заботы о том, «для чего и кому от этого выйдет какая польза» (VI, 221–222). «Исповедальность» этого заявления при ближайшем рассмотрении тоже оказывается не соответствующей действительному положению вещей. Сам Гоголь тут же сообщает, что главным его настроением, независимо от представлявшегося в ту пору поприща, было стремление «служить» – служить «Государю, и народу, и земле своей» (VI, 244). Гоголь подчеркивает, что уже во время своего «детства» он «помышлял <...>, что назначенье человека – служить и вся жизнь наша есть служба» (VI, 244). Кроме того Гоголь указывает, что уже в его ранних суждениях о людях окружающие находили глубокий психологизм – «уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как крупные, так и мелкие»: «Говорили, что я умею <...> угадать человека...» (VI, 221). Хотя, по словам Гоголя, он в то время еще не думал «сделать» из этого «употребление» в своих сочинениях (VI, 221), но чертой этой обладал в полной мере с самых первых шагов в литературе.

Как показывает исследование, с самых ранних произведений Гоголь являет себя как глубокий христианский мыслитель и художник¹. Единение духовного и художественного в его писательской судьбе происходило как бы даже без особых усилий со стороны художника, «само собой», т. е. закономерно для человека, воспитанного в христианской среде, начиная с семьи, кончая такой же основанной на духовных принципах образования школой. Согласно еще одному признанию Гоголя, сделанному в продолжении <Авторской апологии> – в статье «Искусство есть примирение с жизнью», «охота» наблюдать «над душой человеческой» стала свойственна ему еще до того, как он «сделался писатель» (VI, 252), т. е. еще в 1820-х гг., в период обучения в Нежинской гимназии. Однако никакой личной «заслуги» в этом Гоголь, по понятным причинам, не видел; присущий ему с юных лет христианский психологизм был для него вполне естественным². Связанное с церковной исповедью мышление, проявившееся в самых начальных его произведениях, не требовало пояснений. Вследствие этого современному читателю по

¹ *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 448 с.; *Виноградов И.А.* Святые «Вечера...»: «Услаждение и назидательность» «Ночи перед Рождеством» // *Русская словесность.* 2016. №2. С. 41–48; *Виноградов И.А.* Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. С. 9–16; *Виноградов И.А.* Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала, 1830») // *Проблемы исторической поэтики.* 2022. Т. 20. № 1. С. 54–119.

² См.: *Виноградов И.А.* Психологизм Н.В. Гоголя. С. 6–73.

самохарактеристике Гоголя в <Авторской аполонии> его раннего творчества даже трудно понять, что соединение «христианства и искусства» явилось у него уже в самых первых художественных созданиях. Присущая Гоголю «от малых лет <...> страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях» (VI, 228) была для писателя настолько органичной, сама собой разумеющейся, что подчеркивать это писатель считал излишним. В собственном гоголевском объяснении начальных этапов его писательства, в «чистосердечной повести» его «авторства», все выглядело просто: «Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это... <...> Вот происхождение тех первых моих произведений, которые одних заставили смеяться так же беззаботно и безотчетно, как и меня самого, а других приводили в недоумение решить, как могли человеку умному приходиться в голову такие глупости» (VI, 221–222). Специально обращать внимание на то, что изображение «смешных лиц и характеров» даже в самых «первых» его произведениях (VI, 251) было следствием глубокого христианского взгляда на душу человека, Гоголь, вероятно, полагал даже нескромным. Христианское мировоззрение, традиционное мышление в духовных категориях было характерно для него с самого раннего возраста и определяло уже первоначальные его создания. Поэтому даже его «юношеские опыты» (VI, 259), которые сам он позднее оценивал невысоко, называя их «ученическими» (I/II, 80), неизбежно становились нравоучительными¹. На это, в частности, недвусмысленно указывают, наряду с самим содержанием гоголевских повестей, слова рассказчика «Вечеров на хуторе близ Диканьки», гоголевского пасичника: «Я <...> люблю <...>, чтобы <...> вместе и услаждение и назидательность была...» (I/II, 165). Характерно, что еще будучи в стенах Нежинской гимназии Гоголь написал сатиру на жителей Нежина «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан». По словам его приятеля Г.И. Высоцкого в этом произведении (относящемся предположительно к осени 1826 г.) каждое «сословие наиболее выказывало характеристические черты свои»². Однако сам Гоголь серьезного значения этой сатире не придавал и вскоре ее уничтожил.

Строки Гоголя в <Авторской аполонии> о том, что его «первые» произведения обязаны своим происхождением лишь «потребности развлекать» самого себя, прямо связаны с критической авторской оценкой в предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» (1842 г.) этих произведений как «ученических», которые «снисходительный читатель может пропустить», начав чтение со второго тома – с «Миргорода» (I/II, 80). Однако, сообщая читателю о том, что его ранние повести носят не вполне серьезный характер, Гоголь отнюдь не отрицал за ними важного значения и глубокого смысла, к которым, к огорчению автора, не были готовы его современники. На то, что те даже не подозревают о глубоком христианском смысле, воплощенном в его ранних произведениях, Гоголь сетовал неоднократно, и до и после написания <Авторской аполонии>: в письме к А.О. Смирновой от 24 декабря (н. ст.) 1844 г., в письме к С.С. Уварову от конца апреля 1845 г., в письме к графине Анне М. Виельгорской от 29 октября 1848 г., в <Письме по поводу «Мертвых душ»> 1848 г.

¹ См.: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель. С. 6–88; *Виноградов И.А.* Святые «Вечера...». С. 41–48; *Виноградов И.А.* Страсти по Гоголю. С. 9–16; *Виноградов И.А.* Учительство и поведение в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя. С. 54–119.

² *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя. Т. 2. С. 577.

Вполне серьезным оказывается на поверку и само авторское объяснение происхождения «Вечеров...» потребностью «развлекать» самого себя. На деле и этот мотив является для Гоголя весьма значимым – является одной из важных составляющих его творческого манифеста (а не неким легковесным признанием в неглубокости собственного раннего творчества; «исповедальность» Гоголя и здесь оказывается с «двойным дном»). Когда в <Авторской апологии> Гоголь сообщает, что на него «находили припадки тоски» и что, борясь с этим «болезненным состоянием», он «придумывал себе все смешное», «не заботясь о том, <...> кому от этого выйдет какая польза» (VI, 220–221), он лишь повторяет то определение значения самой литературы, которое сделал ранее в «Театральном разезде...» (1842). Говоря в этой пьесе о роли в судьбе отдельного человека и общества литературных «побасенок», Гоголь указывал: «Вы почти готовы находить безнравственным смех. О, еще далеко не понято высокое значенье чистого смеха... <...> ...Вот среди сей же собравшейся толпы пришел один с растерзанной душой, <...> пришел уже безнадежный, он готов был вознести руку на самого себя (и “на своего врага”, – прибавлено тут же. – *И.В.*) и прекратить свои мученья (как это, кстати, сделал – убив своего врага и застрелившись сам – герой дошедшей до нас в отрывках неизвестной драмы Гоголя начала 1830-х гг.; см. VII, 126–129. – *И.В.*), – но вдруг божественно потряслась душа, – рыдания, смех и слезы хлынули вдруг из его очей, <...> и выходит он примиренный с жизнью»¹.

Кроме того, отзываясь о своих первых произведениях критически и даже несколько пренебрежительно, Гоголь с очевидностью использовал особый проповеднический прием, «снисходя» к своему читателю ради более действенного влияния на него. Уничижительным отзывом о юной поре своего писательства Гоголь показывает, что, несмотря на присущее порой молодости состояние, когда «не приходят на ум никакие вопросы» (VI, 222), несмотря на испытываемую многими невозможность «отстать от дурных привычек, при всем желаньи своим отстать от них» (VI, 226), несмотря также на «довольно плохое» образование и воспитание, полученные самим автором и его современниками в юности (VI, 226)², – подобно тому же Белинскому, который, по словам Гоголя, «учился кое-как» (XIV, 394), не завершил не только университетского, но даже гимназического курса (на проблемы с тогдашним образованием Гоголь указывал также в продолжении <Авторской апологии>, статье «Искусство есть примирение с жизнью», а ранее – в статьях «Об Одиссее, переводимой Жуковским» и «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» «Выбранных мест из переписки с друзьями»), – несмотря на все это, ни для кого, – так же, как для самого автора, – не исчерпаны возможности к восстановлению в себе падшего человека. Собственным примером, сниженной оценкой «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголь, ставя себя в один ряд с современниками, «беззаботно и безотчетно» смеявшимися при чтении его повестей (VI, 222), объявляя себя писателем с теми же душевными проблемами, что и у других, демонстрирует «для всякого», в том числе для Белинского, «пути и дороги» к чаемому исправлению (VI, 131).

Словом, несмотря на закрепившееся название – <Авторская исповедь> – «исповедальным» это сочинение является лишь условно. Это исповедь, но исповедь

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1949. Т.5 / Тексты подготовили, коммент. составили А.Л. Слонимский, А.А. Назаревский, М.П. Алексеев. С. 388–390.

² Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя. Т.2. С. 309–310.

«не до конца», ибо исповедальность в ней не имеет самостоятельного значения, а подчинена особой проповеднической задаче. <Авторская исповедь>, или, точнее, <Авторская апология> представляет собой произведение с полемическим, назидательно-публицистическим замыслом, призванном повлиять на современников в нужном направлении.

8

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что сам С.П. Шевырев, давший неозаглавленному сочинению Гоголя название <Авторская исповедь>, колебался и тревожился, не ошибка ли это. Первоначально, 10 июня 1852 г. в письме к К.С. Сербиновичу, он назвал рукопись Гоголя «весьма замечательной его внутренней автобиографией, как автора»¹. На следующий день, 11 июня 1852 г., Н.В. Берг писал В.В. Ганке о состоявшемся при участии Шевырева вскрытии гоголевских бумаг: «...Найдено <...> 5 глав (не совсем отделанных) 2-го тома Мертвых Душ, внутренняя биография и некот<орые> другие»². В середине июня 1852 г. И.С. Аксаков в письме к Ю.Ф. Самарину сообщал, что среди найденных бумаг обнаружена «рукопись – вроде его собственной биографии как писателя»³. 26 июня 1852 г. Г.П. Данилевский, встречавшийся с Шевыревым в Москве в двадцатых числах мая, писал П.А. Плетневу, что среди бумаг находится «собственная внутренняя автобиография Гоголя»⁴.

Осенью 1852 г. Шевырев впервые назвал это сочинение Гоголя <Авторской исповедью>. 27 сентября он отправил А.В. Головнину для великого князя Константина Николаевича копии этого и другого переписанного им гоголевского сочинения – <Размышлений о Божественной Литургии>, с сопроводительным письмом: «Письмо Ваше, в котором Вы мне выразили волю Государя Великого Князя <...> о доставлении Его Императорскому Высочеству бумаг покойного Н.В. Гоголя, пришло ко мне в то время, когда я их переписывал. Важнейшие из оставшихся: 1) “Авторская исповедь”, 2) “Размышления о Литургии” и 3) пять черновых глав из 2-го и, может быть, из 3-го тома “Мертвых душ”, <...> копии двух первых сочинений <...> посылаю с нынешнею же почтою...»⁵.

29 декабря 1852 г. Плетнев в отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук также сообщал: «В истекающем 1852 году академик Шевырев <...> по смерти Гоголя <...> разбирал бумаги его, которых издание поручено ему родственниками покойного. В числе этих бумаг найдены три сочинения, весьма важные по содержанию: 1. Размышления о Божественной Литургии, 2. Авторская исповедь, 3. Пять глав второго тома “Мертвых душ”, сохранившихся случайно...»⁶.

¹ <Шевырев С.П.> Письма С.П. Шевырева – К.С. Сербиновичу и князю П.А. Ширинскому-Шихматову // Русская Старина. 1904. №2. С. 430.

² Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 666.

³ Там же. Т. 2. С. 936.

⁴ Там же. Т. 1. С. 280.

⁵ Балакшина Ю.В. К истории посмертных публикаций сочинений Н.В. Гоголя. Из переписки современников (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Ю.В. Балакшиной) // Русская литература. 2011. №2. С. 162; Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя. Т. 7. С. 450.

⁶ <Плетнев П.А.> Отчет Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1852 год. Составлен орд. акад. П.А. Плетневым и читан им в торжественном годичном собрании Академии 29 дек. 1852 г. // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1853. Т. 2. Л. 3–5. Стб. 51.

Назвав сочинение Гоголя <Авторской исповедью>, Шевырев, однако, продолжал сомневаться и считал, что название может быть другим, из которого слово «исповедь» было бы исключено, а именно «Повесть моего авторства». В примечании к своей речи о В.А. Жуковском, произнесенной 12 января 1853 г. на торжественном собрании Московского университета, он замечал: «...Драгоценный автобиографический отрывок, уцелевший в бумагах покойного Гоголя, огласился в публике под *неверным* (курсив мой. – *И.В.*) названием: *Моя исповедь*. На рукописи нет никакого заглавия, а в содержании Автор говорит: “я решаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повесть моего авторства”. Вот то заглавие, которое может быть дано этой рукописи, согласно мысли самого Автора»¹.

В феврале 1854 г. Н.В. Сушков, имея в виду колебания Шевырева по поводу названия <Авторская исповедь>, писал: «Говорят, остались в рукописи размышления о литургии и что-то *о внутренней* жизни поэта – психологический очерк творчества, авторская исповедь, или *повесть моего авторства*, как придумал название этой рукописи Шевырев в примечаниях к своей речи “о значении Жуковского в Русской жизни и поэзии”» .

Тем не менее название <Авторская исповедь> Шевырев еще раз употребил в первой половине мая 1853 г. Произошло это, однако, по особым причинам. В это время мать Гоголя Мария Ивановна по инициативе самого Шевырева обратилась с Николаю I с просьбой о разрешении издания сочинений ее сына, вместе с неизданными произведениями. Письмо к Государю было предварительно составлено Шевыревым и отправлено М.И. Гоголь для подписи из Москвы в Васильевку: «По смерти сына моего в бумагах его найдены неизданные сочинения, из которых особенно замечательны: Авторская исповедь, Размышления о Божественной литургии и пять глав второго тома Мертвых душ. <...> Издание их вместе с прежними трудами сына моего, как уверяют меня, могло бы принести некоторую пользу Русской Словесности в отношении к нравственному направлению ее произведений». 22 мая 1853 г. Шевырев сопроводил обращение М.И. Гоголь своим письмом на имя графа А.Ф. Орлова, где также писал: «В бумагах Гоголя, разобранных мною, отыскалось несколько ненапечатанных сочинений, из которых три главные: Авторская исповедь, Размышления о Божественной Литургии и пять глав второго тома Мертвых Душ. В этих сочинениях выражены многие высокие нравственные истины: издание их вместе с прежними трудами покойного могло бы принести пользу, особенно молодому поколению писателей, и содействовать нравственному направлению русской словесности».

Очевидно, что название <Авторская исповедь> оказалось вновь востребованным, поскольку предполагало продемонстрировать искренность религиозных чувств Гоголя, выраженных в ненапечатанных сочинениях. Название <Авторская исповедь>, судя по всему, представлялось более эффективным для достижения цели издания гоголевских сочинений.

Когда позднее, в 1855 г., племянник Гоголя Н.П. Трушковский напечатал отдельной книгой «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти: Мертвые души, том второй (пять глав), и Авторская исповедь», то он воспользовался названием, данным неозаглавленному сочинению Шевыревым. В примечании «От издателя» Трушковский писал: «Приносим здесь, от лица всей семьи покойного

¹ <Шевырев С.П.> О значении Жуковского в русской жизни и поэзии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета ординарным профессором русской словесности С. Шевыревым. 12-го января 1853 г. М.: В Университетской типографии, 1853. С. 57, 75.

Гоголя, искреннюю благодарность С.П. Шевыреву, который принял на себя большой труд разобрать все оставшиеся бумаги после смерти Николая Васильевича, переписать своей рукой, и своими советами много способствовал настоящему изданию. <...> Кроме отрывков из Мертвых Душ в бумагах Гоголя найдены еще: “Рассуждения о Божественной Литургии” и “Авторская Исповедь”. Последняя не имела названия, но сам Автор несколько раз говорит в ней, что это чистосердечная моя повесть, повесть моего Авторства, то С.П. Ш<евырев> и решился ее назвать Авторскою Исповедью. Она помещена здесь» .

9

Традиционно начало работы Гоголя над <Авторской апологией> связывается с письмом Гоголя к Плетневу от 10 июня (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта-на-Майне. Незамеченным осталось то, что на самом деле предварительная работа над <Апологией> началась за три с лишним месяца ранее отправления письма к Плетневу.

Важным подготовительным этапом создания <Авторской апологии> стало письмо Гоголя к А.О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя по поводу общественных «толков» о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (послание было отправлено в ответ на письмо Смирновой из Калуги 11/23 января 1847 г.). В этом письме возникло сразу несколько мотивов, составивших затем содержание <Авторской апологии>.

Во-первых, кроме прямых переключек с написанным позднее сочинением, сам Гоголь называет это письмо к Смирновой «исповедью»: «Друг мой, вот вам [моя] исповедь. [<...> Ее объявляю вам [первым], потому что вас удостоил Бог понимать многое... <...>]» (XIV, 123).

Во-вторых, Гоголь, хотя еще не получил тогда из Петербурга отпечатанное издание «Выбранных мест из переписки с друзьями» (это произошло позднее, два месяца спустя; см. письма Гоголя к Ар.О. Россету от 24 апреля (н. ст.) 1847 г. и к С.П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя), начинает свое послание к Смирновой с возмущения цензурными сокращениями цензора-западника А.В. Никитенко в его религиозно-патриотической книге. (В самом тексте <Авторской апологии> он еще дважды упоминает об этих сокращениях.)

В-третьих, как и в <Авторской апологии> (а также в позднейшей статье «Искусство есть примирение с жизнью»), Гоголь в письме к Смирновой размышляет об искусстве («искусство есть дело великое»), а также пишет, что «те идеалы, которых напичкали головы французские романы, могут быть выгнаны [вдруг] другими идеалами» (XIV, 123). (Указанные строки письма – «искусство есть дело великое» – явно предвосхищают будущее заглавие и содержание статьи «Искусство есть примирение с жизнью», лишний раз свидетельствуя о преемственности замыслов.)

В-четвертых, в последующей <Апологии> Гоголь прямо повторяет строки послания к Смирновой об одном из главных принципов своей поэтики: «Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято» (XIV, 123).

Наконец, в-пятых, общей для <Авторской апологии> и письма к Смирновой является тема получения Гоголем от его читателей сведений о России.

К концу февраля (н. ст.) 1847 г. относится возникновение еще одного мотива будущей <Авторской апологии>. Этот мотив появился в письме Гоголя к С.П. Шевыреву из Неаполя от 4 марта (н. ст.) 1847 г. Строки Гоголя в <Апологии> об отзывах о нем читателей как «человеке <...>, надевшем личину набожности» (VI,

248), явно подразумевают слухи о «тартюфстве» Гоголя, которые распространяли в Петербурге и Москве последователи Белинского (в Петербурге – с конца 1846 г., в Москве – с первой половины января ст. ст. 1847 г.). По поводу этих слухов Гоголь в послании к Шевыреву писал: «Разве и теперь не называют меня <...> лицемером, Тартюфом, двуличным человеком, играющим комедию даже в том, что есть святейшего человеку. Или, ты думаешь, легко это вынести?» (XIV, 141). Одновременно он писал В.А. Жуковскому: «...В это время <...> мне случилось получить всякого рода поражений по самым чувствительным струнам души моей от людей, разумеется, не знающих души моей. <...> ...Мне теперь тяжело взглянуть на мою книгу, мне кажется в ней все так напыщенно, неумеренно, невоздержно, что от стыда закрываю вперед обеими руками лицо. <...> Как мне трудно достигать той простоты, которая уже при самом рождении влагается другому в душу, и до которой я должен достигать трудными путями всякого рода поражений!» (XIV, 136).

Упрек в тартюфстве, брошенный Гоголю западниками, очевидно, был еще одной из важных причин создания <Авторской апологии>. Здесь Гоголь писал: «...Когда выставишься перед лицо незнакомых людей, <...> и посыплются со всех сторон упреки впопад и невпопад, ударят и с умыслом и невзначай по всем чувствительным струнам твоим, – тут поневоле взглянешь на себя с таких сторон, с каких бы никогда на себя не взглянул; станешь в себе отыскивать тех недостатков, которых никогда бы не вздумал прежде отыскивать» (VI, 246).

Исследователями до сих пор не было также отмечено то, что конкретно о замысле <Авторской апологии> Гоголь впервые упомянул не в письме к Плетневу от 10 июня (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта-на-Майне, а месяцем ранее – в письме к протоиерею Матфею Константиновскому от 8 мая (н. ст.) 1847 г. из Неаполя, где получил от священника письмо из Ржева (письмо пришло в ответ на письмо Гоголя из Неаполя от 6 февраля (н. ст.) 1847 г. с просьбой высказать мнение о «Выбранных местах из переписки с друзьями»). (К тому времени, а именно между 24 и 27 апреля (н. ст.) 1847 г., книга, отпечатанная в Петербурге, наконец дошла до Гоголя.)

Получив письмо о. Матфея, Гоголь отвечал: «...Если вы заметите, что книга моя произвела на кого-нибудь вредное влияние и соблазнила его, уведомьте меня, ради самого Христа, обстоятельно и отчетливо, не скрывая ничего. Мне нужно знать это. Бог милостив: если Он попустил меня сделать злое дело, то Он же поможет мне и исправить его. Хотя я положил себе долгом не писать [ничего важного] по тех пор, пока не поучусь лучше делу и не приобрету языка более кроткого и никого не оскорбляющего, но некоторые необходимые объяснения на мою книгу (намек на замысел <Авторской апологии>. – *И.В.*), равно как и сознание в том, в чем я ошибся, я должен буду сделать непременно, чтобы не соблазнились юноши и люди неопытные» (XIV, 262).

В <Авторской апологии> Гоголь также, отводя упреки о «вредном влиянии» своей книги, писал: «Что же касается до мненья, будто книга моя должна произвести вред, с этим не могу согласиться ни в каком случае. <...> Несмотря на многие неопредетельные и темные места, главное видно в ней ясно, <...> что верховная инстанция всего есть Церковь и разрешение вопросов жизни – в ней» (VI, 247).

(Косвенным ответом на новое письмо о. Матфея Константиновского, от октября-ноября 1847 г., стала также статья Гоголя «Искусство есть примирение с жизнью».)

В письме к Плетневу от 10 июня (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта-на-Майне Гоголь вновь писал о замысле готовящегося сочинения – и уже подробнее определял

его характер: «Путь мой, слава Богу, тверд. Хотя тебе кажется, что я несколько колеблюсь и как бы недоумеваю, чем заняться и какую избрать дорогу, но дорога моя всё одна и та же. <...> Очень понимаю, что некоторых истинно доброжелательных мне друзей – в том числе, может быть, и самого тебя – несколько смущает некоторая многосторонность, выражающаяся в моей книге (имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». – *И.В.*), и как бы желание заниматься многим наместо одного. Для этого-то я готовлю теперь небольшую книжечку, в которой хочу, сколько возможно яснее, изобразить повесть моего [авторства] писательства (подразумевается <Авторская апология>. – *И.В.*), то есть в виде ответа на утвердившееся, неизвестно почему, мнение, что я возгнушался искусством, почел его низким, бесполезным и тому подобное» (XIV, 294). Слухи о том, что Гоголь будто бы «отрекается от всех своих прежних сочинений, как от грехов», так же как слухи о «тартюфстве», распространялись в обществе Белинским и его сторонниками.

Излагая содержание своего «ответа» распространителям слухов, Гоголь продолжал: «В нем скажу, чем я почитаю искусство, что я хотел сделать с данным мне на долю искусством, развивал ли я, точно, самого себя из данных мне материалов или хитрил и хотел переломить свое направление, – ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не литератор мог видеть, я ли виновен в недеятельности или Тот, Кто располагает всем и против Кого идти трудно человеку. <...> Книжечка может выходом своим устремить вниманье на перечтение “Переписки с друзьями” в исправленном и пополненном издании» (XIV, 294–295).

(Стоит обратить внимание на то, что, как и в продолжении <Авторской апологии> – статье «Искусство есть примирение с жизнью», как и в предшествующем послании к Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. (где Гоголь замечает: «Друг мой, искусство есть дело великое»; XIV, 123), в письме к Плетневу Гоголь тоже говорит о том, что главной целью его «книжечки» будет объяснение того, как он понимает «искусство» и что «хотел сделать с данным» ему «на долю искусством».)

В упомянутом письме к Прокоповичу от 20 июня (н. ст.) 1847 г. Гоголь добавлял: «По всему вижу, что мне придется сделать некоторые объяснения на мою книгу, потому что не только Белинский (имеется в виду статья Белинского во втором номере журнала “Современник” за 1847 г. – *И.В.*), но даже те люди, которые гораздо больше его могли бы знать меня относительно моей личности, выводят такие странные заключения, что просто недоумеваешь» (XIV, 312).

7 июля (н. ст.) 1847 г. в письме к Шевыреву Гоголь указывал: «Изо всех отзывов я вижу только то, что мне следует отвечать на один вопрос, который, кажется, есть всеобщий: зачем я оставил поприще писателя или переменял направление его? На это мне следует сделать чистосердечное изъяснение моего авторского дела, чтоб читатель видел сам, оставлял ли я поприще, переменял ли направление, умничал ли сам, желая изменить себя, или есть посильнее нас общие законы, которым мы подвержены, все бедные человеки...» (XIV, 348).

10 июля (н. ст.) 1847 г. Гоголь спрашивал Плетнева: «Ожидаю от тебя известия о том, где проводишь лето и когда к тебе посылать небольшую вещь, которую бы мне хотелось напечатать в виде отдельной небольшой книжки, о которой я уже тебе сказывал. Можно ли тебе будет прислать ее через месяц от сего дня?» (XIV, 359).

Как уже отмечалось, отдельные фрагменты <Авторской апологии> были написаны в ответ на две критики Белинского: во-первых, на его статью о «Выбранных местах из переписки с друзьями», напечатанную в №2 журнала «Современник» за 1847 г., во-вторых, на известное зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю

от 12–15 июля (н. ст.) 1847 г. (Журнал со статьей критика был получен Гоголем в Неаполе 23 апреля (н. ст.) 1847 г.; зальцбруннское письмо – в конце июля (н. ст.) 1847 г. в Остенде.) Кроме уже отмеченных ответов, следует добавить, что и в неотправленном письме к Белинскому от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г., и в <Авторской апологии> содержится опровержение двукратного провокационного заявления Белинского (и в статье, и в зальцбруннском письме; XIV, 371), будто в статье «Русский помещик» Гоголь выступает против распространения в народе грамотности.

Второе издание первого тома «Мертвых душ» в 1846 г. Гоголь сопроводил предисловием «К читателю от сочинителя». В этом предисловии он намеревался обратиться читателей «на самих себя». На эту цель Гоголь указал позднее в <Апологии> (VI, 230). Как и «Выбранные места из переписки с друзьями», предисловие «К читателю от сочинителя» содержало призыв к общественному примирению вместо распространяемых радикальным западничеством вражды и нетерпимости. Предисловие закономерно вызвало критику со стороны либеральной партии. В <Авторской апологии> Гоголь также об этом упомянул: «...В журналах мне отвечали насмешками» (VI, 231). Насмешливо на гоголевское предисловие отозвались в печати западники – В.Н. Майков, В.Г. Белинский, А.Д. Галахов. (Рецензии Белинского и Майкова, с цитатами из гоголевского предисловия, появились еще до поступления в продажу второго издания поэмы. Своей осведомленностью Белинский и Майков были обязаны цензору Никитенко, который знакомил своих либеральных приятелей с гоголевскими произведениями еще до их публикации.)

11 мая (н. ст.) 1847 г. в Неаполе Гоголь получил напечатанное 6 марта 1847 г. в «Московских Ведомостях» «Первое письмо к Н.В. Гоголю (Н.Ф. Павлова)» (по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»). Письмо было прислано Гоголю из Москвы Шевыревым. Отвечая Шевыреву, Гоголь писал ему 25 мая (н. ст.) 1847 г. из Марселя, что Павлов в своей статье «сознается сам невинно, что эта книга (в которой, по его мнению, ничего нет нового, а что и есть нового, то ложь) сбила, однако же, его совершенно с прежнего его положения...» (XIV, 281). О содержании этого отзыва Гоголь тоже напомнил в <Авторской апологии>: «...Меня еще более опечалило, когда люди, также умные, и притом не раздраженные, провозгласили печатно, что в моей книге ничего нет нового, что же и ново в ней, то ложь, а не истинно. Это показалось мне жестоко» (VI, 219).

10

Кроме ответов Белинскому, Майкову, Галахову, Павлову и др., Гоголь откликнулся в <Авторской апологии> и на упреки в свой адрес со стороны более близких людей, Шевырева и Аксаковых.

11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь, отвечая на упрек Шевырева, будто в его «религиозных убеждениях и действиях» сказывается «римское католичество» (XIV, 32), писал: «...Что же касается до католичества, то скажу тебе, что я пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем. Анализ над душой человека <...> был причиной того, что я встретился со Христом, изумясь в Нем <...> неслыханному дотоле знанию души... <...> Экзальтации у меня нет, скорей арифметический расчет...» (XIV, 79–80). В <Апологии> Гоголь повторял: «Все, где только выражалось познание <...> души человека, <...> меня занимало, и на этой дороге <...> я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека... <...> ...Я увидел <...> ма-

тематически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению...» (VI, 226).

С.Т. Аксаков прочитал гоголевское сочинение после смерти писателя по копии, присланной ему в Абрамцево Шевыревым. (<Авторская апология> была напечатана с названием <Авторская исповедь> лишь в 1855 г., до этого распространялась в списках.) Возвращая рукопись, С.Т. Аксаков 19 ноября 1852 г. писал Шевыреву: «Она непосредственно относится ко мне. По крайней мере я нашел в ней полный ответ на каждое слово моих укорительных писем» .

Будучи по своим убеждениям глубоким славянофилом-«государственником» (подобно Н.М. Карамзину, С.С. Уварову, М.П. Погодину, С.П. Шевыреву, М.А. Максимовичу и др.), Гоголь критически относился к оппозиционным настроениям своих московских друзей из круга славянофилов радикального толка. В радикализме и приверженности к немецкой схоластике К.С. Аксакова, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина он видел проявление той же узости, нетерпимости и скоропелости, которая была свойственна их противникам западникам.

Аксаковы, в частности, упрекали Гоголя в том, что тот слишком долго живет вне России за границей. По словам Гоголя в <Авторской апологии>, именно оппозиционный к власти настрой друзей стала причиной его нового отъезда за границу в 1842 г.: «...Я возвращался <...> в Россию <...> с тем, чтобы в ней остаться навсегда. Я думал, что теперь особенно, получивши такую страсть узнавать все, я в силах буду узнать многое. Но, странное дело, среди России я почти не увидел России. Все люди, с которыми я встречался, большею частью любили поговорить о том, что делается в Европе, а не в России. Я узнавал только то, что делается в аглицком клубе» (VI, 233). (Завсегдагдем Английского клуба был С.Т. Аксаков. 20 октября 1841 г. Гоголь на его приглашение встретиться дома или в дворянском клубе отвечал: «К вам натурально приеду, а в клуб и ворон костей моих не занесет»; XI, 359.)

В <Авторской апологии> Гоголь продолжал: «Всяк глядел на вещи взглядом более философическим, чем когда-либо прежде, во всякой вещи хотел увидеть ее глубокий смысл и сильнейшее значение, – движенье, вообще показывающее большой шаг общества вперед. Но, с другой стороны, от этого произошла торопливость делать выводы и заключения из двух-трех фактов о всем целом и беспрестанная позабывчивость того, что не все вещи и не все стороны соображены и взвешены. Я заметил, что почти у всякого образовывалась в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры. <...> ...Я и сам начинал невольно заражаться этой торопливостью заключать и выводить, всеобщим поветрием нынешнего времени» (VI, 233–234).

Самарин, вспоминая о беседах с своими друзьями-единомышленниками в Москве в начале 1840-х гг., не без горькой иронии позднее писал самому К.С. Аксакову: «Мы вели такие разговоры, столько в них было страсти, что не идти на другой день на Петербург войною значит дать шаг назад и уронить себя в общем мнении» (письмо конца 1845 г.).

Гоголь 28 ноября (н. ст.) 1842 г. писал Константину Аксакову: «Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. <...> Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени господа Бога твоего всеу? <...> Вы твердо уверены, что уже стали на выс-

шую точку разума, что не можете уже быть умнее. <...> ...Стряхните пустоту и праздность вашей жизни!» (XII, 157). Вопреки распространенным представлениям о тесной дружбе между Гоголем и Аксаковым, взаимная отчужденность между ними возникла еще в 1840 г. и сохранялась, вследствие разногласий, почти десятилетие. Дружба, несомненно, была, но сопровождалась острой, принципиальной полемикой, прежде всего по политическим вопросам, по отношению к «дому Романовых» (критическому со стороны Аксаковых). К западнику Анненкову Гоголь одновременно тоже обращался с призывом избегать узости радикальных взглядов, господствующих в обществе и литературе: «...Стремиться быть выше журнальной верхушки своего века есть неприменный долг всякого умного человека, если только он одарен какими-нибудь действующими способностями» (письмо от 20 сентября (н. ст.) 1847 г.) (XIV, 444).

11

В связи с полемикой с Аксаковыми Гоголь изложил в <Авторской апологии> краткую историю формирования одной из особенностей своей поэтики, опять отвечая этим на многочисленные упреки друзей в том, что он слишком много времени проводит за границей. Гоголь писал: «Почти у всех писателей, которые не лишены творчества, есть способность, которую я не назову воображеньем, способность представлять предметы отсутствующие так живо, как бы они были пред нашими глазами. Способность эта действует в нас только тогда, когда мы отделимся от предметов, которые описываем» (VI, 231). (Настоящие строки представляют собой почти дословное повторение одной из статей «Словаря древней и новой поэзии» Н.Ф. Остолопова (1821), употреблявшегося в Гимназии высших наук в Нежине в качестве учебного пособия. Понятие «воображение» определяется в этом словаре как «способность души, представляющая отсутствующие предметы как бы находящиеся пред глазами».)

Из гоголевских объяснений в <Авторской апологии> следует, что от самого своего приезда в конце 1828 г. из Нежина в Петербург и первой кратковременной поездки в Германию в 1829 г. Гоголь стал «узнавать цену» оставленному вдали от оставленного (VI, 232): любовь к последнему он приобретал, по его словам, в отдалении от покинутых мест. Сообщая в <Апологии> о своей первой заграничной поездке в 1829 г. (сообщение это содержит неточность: «Три дни <...> я пробыл в чужих краях...») (VI, 233); на самом деле поездка заняла почти два месяца), он писал: «Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, – точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее» (VI, 232). Такой взгляд на действительность – «со стороны», или «издалека», – складывался у Гоголя уже при создании в Петербурге его первых произведений, посвященных оставленной Малороссии, – повестей сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Мотив «отдаленного», но более проникновенного отношения к покидаемому появился уже в его первой юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен», написанной в последний год обучения в Нежине и изданной в 1829 г. в Петербурге: «Так в заключение школьник ждет, / Когда желанный срок придет. <...> Но, расставаясь с семьей / Своих товарищей, душой / Делил с кем шалость, труд, покой, – / И размышляет он, и стонет, / И с невыразною тоской / Слезу невольную уронит» (VII, 50).

Позднее Гоголь, подразумевая, по-видимому, то, что все познается в сравнении, писал Шевыреву о своем пребывании за границей: «...Из каждого угла Европы

взор мой видит новые стороны России» (письмо от 28 февраля (н. ст.) 1843 г.) (XII, 189). В повести «Рим» 1842 г. он замечал о приобретенной его героем, итальянским князем, «многосторонности» взгляда после его возвращения из-за границы: «...Почувствовал он <...> желание проникнуть поглубже историю Италии, <...> жадно принялся за архивы, летописи и записки. Он теперь мог их читать не так, как итальянец-домосед, входящий и телом и душою в читаемые события и не видящий из-за обступивших его лиц и происшествий всей массы целого. <...> Пребыванье вне Италии, в виду шума и движенья действующих народов и государств, служило ему строгою проверкою всех выводов, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его взгляду» (III/IV, 197).

По-видимому, именно переезд Гоголя из Малороссии в Петербург и первая поездка за границу способствовали формированию его особого художественного видения, на которое он указал в том же 1842 г. в письме к Плетневу из Москвы (очевидно, подразумеваемая при этом и упреки Аксаковых за близящийся отъезд из России): «...В самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною» (письмо от 17 марта) (XII, 27). В следующем году Гоголь сообщал А.С. Данилевскому из Эмса: «...У меня <...> нет теперь никаких впечатлений и <...> мне все равно, в Италии ли я, или в дрянном немецком городке... <...> ...Я живу весь в себе, в своих воспоминаниях, в своем народе и земле, которые носят неразлучно со мною...» (письмо от 20 июня (н. ст.) 1843 г.) (XII, 253). Тут же Гоголь добавлял: «По обеим сторонам <...> дороги много прекрасных видов, <...> но <...> вид по сторонам еще не цель и <...> дорога непременно должна вести куда-то» (XII, 254). О том же идет речь и в первом томе «Мертвых душ» (1842), где автор обращается к России: «...Из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу... <...> ...Какая <...> непостижимая, тайная сила влечет к тебе?» (V, 213).

Европейский контекст, в котором Гоголь стал рассматривать отечественную действительность (русскую и малороссийскую) уже по переезде в европейски «просвещенный» Петербург в 1828 г. и после поездки в 1829 г. за границу, нашел прямое отражение в его письме к матери из Германии от 13 августа (н. ст.) 1829 г., строки которого, как отметил еще первый гоголевский биограф П.А. Кулиш, перекликаются с описаниями сельского быта в «Сорочинской ярмарке». Сочетание европейских и малороссийских впечатлений сказалось также в другой «ранней» «малороссийской» повести Гоголя – в «Иване Федоровиче Шпоньке...» Кроме того, с поездкой 1829 г. связан целый ряд позднейших произведений Гоголя 1834 г. Это переклички описаний демонических гномов в повести «Вий», завязнувших в окнах сельской церкви, с химерами готических храмов (впечатления от готической архитектуры Северной Германии, полученные в 1829 г., были изложены Гоголем статье «Об архитектуре нынешнего времени» 1834 г.). Свое отражение первая поездка в Германию нашла в исторической статье Гоголя «О движении народов в конце V века» (1834). В целом с впечатлениями от первого заграничного путешествия связана и критика европейской цивилизации, пронизывающая так называемые «петербургские» повести Гоголя 1834 г.: «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Нос».

О своем особом художественном видении «со стороны», или «издалека», Гоголь упоминал также несколько лет спустя после создания «Авторской апологии». В 1850 г. в прошении о предоставлении заграничного паспорта он писал:

«...Точно так же, как тому, кто бы хотел обозреть выстроенное в равнине войско, необходимо подняться на возвышение, откуда бы всё видно было, как на ладоне, точно так же писателю, приобывшему созерцать, бывает необходимо временное отдаление от предмета <...> затем, чтобы лучше обнять его. У меня же это преимущество особенная особенность моего глаза» (письмо министру внутренних дел графу Л.А. Перовскому или министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову или начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А.Ф. Орлову от 10–18 июля) (XV, 340). (В данном случае Гоголь употребил образ, который встречается в его ранней статье «План преподавания всеобщей истории»: «Все равно, как нельзя узнать совершенно город, исходивши все его улицы: для этого нужно возйти на возвышенное место, откуда бы он видел был весь, как на ладони».)

Следует отметить, что чувства, подобные гоголевским, испытывали за границей и другие русские путешественники. Первый издатель Гоголя П.П. Свиньин в 1818 г. писал: «Путешествие по чужим краям <...> полезно для Рус<с>кого всего более тем, что, по самому легчайшему сравнению своего отечества с другими Государствами, во многом нравственном он должен будет отдать справедливость первому, и если пагубное иностранное воспитание <...> сделало его, по несчастии, пристрастным к иноземному, то почтение, отдаваемое во всех краях света имени Рус<с>кого, <...> невольным образом возгорают его, заставляют полюбить свое отечество...». В ноябре 1829 г. П.В. Киреевский писал брату Ивану: «Только побывавши в Германии, вполне понимаешь великое значение Русского народа, свежесть и гибкость его способностей, его одушевленность». Шевырев, возвращаясь в Россию после более трехлетнего пребывания за границей, 26 апреля 1832 г. писал М.П. Погодину: «...Радуюсь, что я Русский. Возвращаюсь более Русским, нежели чем поехал». Граф И.М. Виельгорский («по польскому говору Вьельгурский»), совершавший заграничное путешествие в свите Наследника, 24 августа 1838 г. сообщал сестре из Эмса: «Я благодарю Бога, что я русский; <...> ...Россия молода, народ свеж, и ее ожидают великие судьбы. Я с каждым днем становлюсь более и более русским в душе... <...> ...Я <...> обрусел, почувствовал какую-то национальную гордость, которая во мне дремала; любовь к отечеству сильно пробудилась, и я вижу, что русские могут также гордиться своим отечеством». (Шевырев, братья Киреевские, Виельгорский были друзьями Гоголя; с Виельгорским писатель близко сошелся в 1839 г.)

Со способностью «живо» представлять отдаленные «предметы» Гоголь связывал то, что «поэты большею частью избирали эпоху, от нас отдалившуюся, и погружались в прошедшее» (VI, 231). С этим обстоятельством Гоголь, штатный преподаватель всемирной истории в Патриотическом институте и Императорском университете в Петербурге, автор многочисленных исторических сочинений и статей, связывал еще одну свою особенность как писателя: «У меня не было влечения к прошедшему. Предмет мой была современность в ее нынешнем быту...» (VI, 231). «Прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мере его надобности в настоящем», – добавлял он в письме к поэту Н.М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1845 г. (XIII, 11).

<Авторская апология>, кроме описания общих художественных принципов Гоголя, содержит конкретные хронологические указания о вызревании замысла его главного произведения, поэмы «Мертвые души». Гоголь сообщал: «После “Ревии-

зора” я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. <...> Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой» (VI, 223). Речь шла об осенних месяцах 1835 г., когда работа над «Мертвыми душами» была только начата.

«Я думал просто, – продолжал Гоголь, – что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры... <...> Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатлелись истинно русские, коренные свойства наши» (VI, 223). Избрание Гоголем в качестве «характеров» первого тома «Мертвых душ» «истинно русских, коренных свойств» главных русских поэтов (VI, 224) – Жуковского, Батюшкова, Языкова, Державина, Пушкина – произошло в первые месяцы следующего, 1836 г. ко второй половине января – в феврале. Предостерегая в то же время читателей от соблазна «делить» вслед за Белинским его творчество на два диаметрально противоположных периода, Гоголь тут же подчеркивал: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою. <...> От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движеньях его, которые пропускаются без вниманья людьми, – и я пришел к Тому, Который один полный ведатель души... <...> И только тогда, когда нашел удовлетворенье в некоторых главных вопросах, мог приступить вновь к моему сочинению, первая часть которого составляет еще поныне загадку, потому что заключает в себе некоторую часть переходного состоянья моей собственной души...» (VI, 228).

Поскольку <Авторская апология> является в некоторой степени автобиографией Гоголя, то в ее содержании освещается в большей или меньшей степени весь творческий путь писателя. Некоторые из идей и положений этого сочинения восходят к суждениям Гоголя, которые он высказывал еще в первой половине 1840-х гг. Так, в объяснении причин паломничества к Святым Местам Гоголь повторил в <Авторской апологии> содержание письма к С.Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г.

Отдельные строки <Апологии> являются также продолжением споров Гоголя в конце 1830-х – начале 1840-х гг. с А.А. Ивановым – в один из периодов 1838–1839, 1840–1841, 1842–1843 гг., о которых художник упоминал в письме к славянофилу А.Н. Попову от мая (н. ст.) 1844 г. из Неаполя. Обращаясь к Попову с просьбой познакомить брата, начинающего архитектора С.А. Иванова, с Москвой, Иванов писал: «Покажите брату Москву, дайте юности его почувствовать народность в ее памятниках. <...> Не знаю, как лучше: видеть ли ее юноше в ранних летах, <...> или уже в зрелых <...>, испытай и поверив опытом все прекрасное в Европе... <...> Эти два вопроса часто были предметом спора моего с Гоголем».

Гоголь, отстаивавший в споре с Ивановым необходимость первоначального воспитания в духе отечественных традиций, с освоения «красот» и святынь Москвы – а не Европы, соответствующим образом в <Авторской апологии> замечал: «И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, наместо того чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Евро-

пы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что, прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое; иначе примененье самого благодетельнейшего в науке открытия не будет успешно» (VI, 218).

Упомянутые строки <Авторской аполонии> о неизменности идейных взглядов писателя на протяжении всего творческого пути: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою» (VI, 228), – являются повторением признаний Гоголя в письме к С.Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г.: «Но внутренно я не изменялся никогда в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных...» (XII, 391–392).

Связанные с этими признаниями слова Гоголя в <Авторской аполонии> о том, что «в школе» он получил «воспитанье довольно плохое» (VI, 226) и что книга «Выбранные места из переписки с друзьями» представляет собой «исповедь человека, <...> который воспитывал себя, как ученик, желая вознаградить, хотя поздно, за время, потерянное в юности» (VI, 219), являются продолжением его размышлений в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским», где он выражал уверенность, что новый перевод Гомера «подействует на тех, которые <...>, находясь в гимназиях и университетах, видят перед собой еще туманно и неясно свое будущее поприще»: «Их она может навести с самого начала на прямой путь, избавив от лишнего шатания по кривым закоулкам, по которым натолкались изрядно их предшественники» (VI, 31). В другой статье «Выбранных мест...» – «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» – Гоголь в связи с этим упоминал, в частности, о стихотворении Пушкина «В начале жизни помню школу я...» (1830). В этом стихотворении поэт изобразил себя «в виде школьника», сбегавшего «из класса в сад» от уроков «строгой жены» – науки. Напомним, куда сбегал от требовательной науки лирический герой пушкинского стихотворения: «То были двух бесов изображенья. / Один (Дельфийский идол) лик молодой – / Был гневен, полон гордости ужасной... <...> Другой женообразный, сладострастный, / Сомнительный и лживый идеал – / Волшебный демон – лживый, но прекрасный...». По-видимому, прямо имея в виду самую первую строчку этого стихотворения – «В начале жизни помню школу я...» (упоминаемого в «Выбранных местах...»), Гоголь в 1846 г. писал также в «Развязке Ревизора»: «Лучше <...> сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, *в начале жизни*, <...> да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе, <...> в котором бесчинствуют наши страсти...» (курсив мой. – *И.В.*) (III/IV, 493). В последующей статье «Искусство есть примирение с жизнью» Гоголь в свою очередь замечал: «Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе» (VI, 250). Под неудовлетворительным воспитанием, полученным в школе, Гоголь, как можно предположить, подразумевал не только атмосферу Царскосельского лицея, где учился Пушкин, но, по-видимому, и порядки собственной *alma mater*, Гимназии высших наук в Нежине, в частности, попытки ряда ее профессоров, связанных тесными масонскими узами, посеять в своих подопечных семена вольнодумства, и само известное «дело о вольнодумстве», начатое в гимназии в 1826 г. и завершившееся в 1830 г. осуждением, личным распоряжением Императора, этих профессоров и высылкой из Нежина нескольких публичных женщин. А.О. Смирнова в своих записках «Биография Александры Осиповны Чаграновой» (1880–1881), вероятно со слов Гоголя, сообщала: «В Нежине был лицей, основанный Безбородкой, там воспитывался Гоголь, но профессора были самые плохие». По свидетельству

графа В.А. Соллогуба, Гоголь представлял «в лицах своих нежинских учителей с такой комической силой, что присутствующие надрывались со смеха».

С содержанием <Авторской апологии> перекликаются также заметки Гоголя в записной книжке 1846–1850 гг.: «Зачем я оказался учителем?»; «Мне стало так совестно [за мою недеятельность]»; а также письмо Гоголя к отцу Матфею Константиновскому от 12 января (н. ст.) 1848 г.

Созданная в преддверии французской революции 1848 г. <Авторская апология> воплотила в себе размышления Гоголя о христианском умиротворении общества: «Как ни бурно нынешнее время, как ни мнутя и ни волнуются вокруг умы, как ни возмущает тебя собственный ум твой, но можно остаться среди всего этого в тишине, если с тем именно возьмешь свое место, чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ Небу» (VI, 243). С назревавшими революционными событиями Гоголь непосредственно столкнулся в январе 1848 г. в Неаполе, откуда был вынужден выехать в Иерусалим, к Святым Местам, раньше, чем намеревался. Год спустя, в письме к А.С. Данилевскому от 24 сентября 1848 г., Гоголь, передавая приятелю впечатления П.В. Анненкова от парижского июньского восстания 1848 г., писал: «Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, – просто страх: совершенное разложение общества. <...> ...Почти у всякого ночь и тьма вокруг. А между тем слово молитва до сих <пор> еще не раздалось ни на чьих устах» (XV, 123). 20 сентября 1848 г. Гоголь в письме к матери также замечал: «Будем <...> тверды нашей верой в Того, Кто один только может помочь всему» (XV, 122). 5 июня 1849 г. он писал К.М. Базили: «И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто один строитель порядка!» (XV, 235). В письме к А.О. Смирновой от 23 декабря 1850 г.: «Много развевается холодного, безнравствен<ного> по белу свету. Много порывает<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падет волос с главы, что Он превосходит всё неизмеримостью Своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, он – высший разум, превыше всех наших ежеминут<но> ошибающихся<ся> умозаключений, – так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодарить<ть>. Молиться за всех, благодарить за всё» (XV, 383). Позднее, во время пребывания Гоголя в Одессе в 1851 г., Е.А. Хитрово записала в дневнике: «19 января. Гоголь: “А что вышло на поверку: они все пили и ели” (1848 г. во Франции) (слова Гоголя обращают к репликам Хлестакова в “Ревизоре”: «Как же они едят, а я не ем?»; «Ведь для того и живешь, не правда ли?») (III/IV, 27, 532). – И.В.). – Я: “Да, а как унеслись тогда надеждами!” <...> Гоголь: “А вы очень воспламенялись?” Я: “О, чрезвычайно! Как жаль было расставаться с надеждами на улучшение, да и теперь еще меня эти надежды не покидают”. Гоголь: “И меня нет. Но откуда же это придет? Не от людей же!” Я: “Откуда же?” Гоголь: “От милосердия”. Но не сказал – какого...». Об этом милосердии Гоголь просил также в своей молитве, заключающейся в его записной книжке 1846–1850 гг., «Милосердия, Господи. Ты милосерд» (молитва составлена предположительно весной 1849 г.). Все эти гоголевские высказывания еще раз свидетельствуют о неизменности религиозно-политических взглядов Гоголя, отстаивать которые он продолжил в <Авторской апологии> после издания «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Таким образом, первоначальный, подготовительный этап работы над <Авторской апологией> следует отнести ко второй половине февраля (н. ст.) 1847 г. –

создание сочинения предваряет послание Гоголя к А.О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. Непосредственно оно было написано в период с конца апреля (н. ст.) 1847 г. (между 24 и 27 числами, когда отпечатанная в Петербурге книга «Выбранные места из переписки с друзьями» была получена Гоголем в Неаполе) до августа (н. ст.) 1847 г. История бытования неозаглавленного произведения под редакторским обозначением <Авторская исповедь> показала, что не вполне адекватное заглавие скрывает подлинный смысл гоголевского сочинения. Ожидая «исповеди», читатель упускает из виду то, что главная цель этого автобиографического произведения носит полемический характер, несвойственный настоящей исповеди. Произведение призвано подчеркнуть проправительственный характер писательской деятельности Гоголя начиная от самых ранних его произведений и тем самым на личном примере обратить «лишних людей»-оппозиционеров к государственному служению. Вводящее в заблуждение заглавие затрудняет понимание того, что в сочинении заключено авторское оправдание и защита «Выбранных мест из переписки с друзьями», продолжение и развитие заветных гоголевских идей. Задача объяснения и апологии опубликованной книги – такого же религиозно-патриотического содержания, – является главенствующей для неозаглавленного сочинения, заслуживающего нового названия <Авторская апология>.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Изд. А.А. Карцева, 1895. 450 с.
- Балакшина Ю.В.* С.П. Шевырев, Аксаковы и история распространения «Авторской исповеди» в списках // Н.В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. конференции. М.: Фестпартнер, 2009. С. 92–98.
- Балакшина Ю.В.* «Авторская исповедь»: к истории названия и жанра // Девятые Гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. М.: Фестпартнер, 2010. С. 83–88.
- Балакшина Ю.В.* К истории посмертных публикаций сочинений Н.В. Гоголя. Из переписки современников (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Ю.В. Балакшиной) // Русская литература. 2011. №2. С. 159–172.
- Балакшина Ю.В.* «Авторская исповедь» Н.В. Гоголя: история рецепции в русской критике // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. №2. Март. С. 61–67.
- <Бартенев П.И.> П.Б. Из писем к В.А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. №7. С. 437–459.
- <Белинский В.Г.> В.Б. Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва, 1846 // Современник. 1847. Т. 1. №1. Отд. 3. С. 56–59.
- <Белинский В.Г.> В.Б. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. Спб. 1847 // Современник. 1847. Т. 1. №2. Отд. III. С. 103–124.
- Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1976–1982. Т. 1, 9. 736 + 863 с.
- Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 448 с.
- Виноградов И.А.* Неизвестные автографы двух статей Н.В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245.

Виноградов И.А. От «Невского проспекта» до «Рима» // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 3–4. С. 505–570.

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. 904 + 1031 + 1168 с.

Виноградов И.А. Святые «Вечера...»: «Услаждение и назидательность» «Ночи перед Рождеством» // Русская словесность. 2016. №2. С. 41–48.

Виноградов И.А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. №5. С. 416–426.

Виноградов И.А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / Ред. М.И. Щербакова. Ин-т мировой литературы имени А.М. Горького РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 77–94.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. №3. С. 7–18.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. №4. С. 51–67.

Виноградов И.А. Путешествие в творчестве Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2017. Вып. 6(23). С. 24–60.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.

Виноградов И.А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. 320 с.

Виноградов И.А. Литературная проповедь Н.В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. №2. С. 49–124.

Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. №4. С. 29–114.

Виноградов И.А. Славянофил-государственник. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019. Т. 1. №2. С. 38–63.

Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. №2(12). С. 189–224.

Виноградов И.А. «Лишние люди» русской литературы: новое в школьной теме // Stephanos. 2019. №3(35). Май. С. 108–120.

Виноградов И.А. «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. №3. С. 188–209.

Виноградов И.А. Психологизм Н.В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2. №4. С. 6–73.

Виноградов И.А. А.С. Хомяков и Н.В. Гоголь: проблема взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021. №1(4). С. 32–69.

Виноградов И.А. Учителство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала, 1830») // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. №1. С. 54–119.

Виноградов И.А. Немецкий романтик В.Г. Вакенродер и XX век: художественное предвидение Н.В. Гоголя // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; отв. ред. М.И. Щербакова, В.Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Вып. 3 (принято в печать).

<Галахов А.Д.> *Сто-один*. Письмо к Н.В. Гоголю по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» // Отечественные Записки. 1847. Т. 50. №2. Отд. 5. С. 77–82.

Гоголь Н.В. План преподавания Всеобщей Истории // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. Ч. 1. №2. Февраль. Отд. II. С. 189–209.

<Гоголь Н.В.> Авторская Исповедь // Соч. Н.В. Гоголя, найденные после его смерти: Мертвые души, том второй (пять глав), и Авторская исповедь. М.: В Университетской Типографии, 1855. С. 243–304.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> Т. 5 / Тексты подготовили, коммент. составили А.Л. Слонимский, А.А. Назаревский, М.П. Алексеев. <Л.>: АН СССР, 1949. 512 с.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

<Кулиш П.А.> *Николай М.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В двух томах. С портретом Гоголя. Т. 1. СПб.: В типографии Александра Якобсона, 1856. 339 с.

Линниченко И.А. Новые материалы для биографии Н.В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. №5. С. 150–192.

Луцевич Л.Ф. Авторцепция как попытка формирования литературной репутации в <Авторской исповеди> Николая Гоголя // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2013. С. 176–184.

Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М.: Языки русской культуры, 1999. 560 с.

Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб.: Издание Об-ва ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III, 1899. 99 с.

<Майков В.Н.> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва. 1846. В университетской типографии. В 8-ю д<олю> л<иста>. 417 стр. // Отечественные Записки. 1846. Т. 49. №12. Отд. 6. С. 57.

Мартынов В.А. У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С.П. Шевырева: монография. М.: Форум, 2013. 280 с.

<Остолопов Н.Ф.> Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, действительным и почетным членом разных ученых обществ. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Российской академии, 1821. 531 с.

<Павлов Н.Ф.> Первое письмо к Н.В. Гоголю (Н.Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 6 марта. №28. С. 217–219.

<Плетнев П.А.> Отчет Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1852 год. Составлен орд. акад. П.А. Плетневым и читан им в торжественном годовом собрании Академии 29 дек. 1852 г. // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1853. Т. 2. Л. 3–5. Стб. 33–62.

Пушкин А.С. Подражания Данту // <Пушкин А.С.> Сочинения Александра Пушкина. Т. 9. СПб.: В типографии И. Глазунова и К^о, 1841. С. 172–176.

Розанов А.С. Ф. Лист в Риме в 1839 г. (по материалам семейного архива графов Виельгорских) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л.: Наука, 1985. С. 295–303.

<Самарин Ю.Ф.> Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 12: Письма 1840–1853. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1911. 478 с.

<Свиньин П.П.> Предисловие // Отечественные Записки. 1818. <№ 1>. С. 1–4.

<Сушков Н.В.> Обоз к потомству с книгами и рукописями. Из записок Н.В. Сушкова // Раут. Исторический и литературный сборник. М.: Издание Н.В. Сушкова, 1854. Кн. 3. С. 235–409.

Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя: В 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. 10-е изд. Т. 4. М.: Издание книжн<ого> маг<азина> В. Думнова, под фирмою «Наследники бр. Салаевых», 1889. С. 465–619.

Трушковский Н. От издателя // <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. М.: В Университетской типографии, 1855. С. V–XI.

<Шевырев С.П.> О значении Жуковского в русской жизни и поэзии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета ординарным профессором русской словесности С. Шевыревым. 12-го января 1853 г. М.: В Университетской типографии, 1853. 83 с.

<Шевырев С.П.> Письма С.П. Шевырева – К.С. Сербиновичу и князю П.А. Ширинскому-Шихматову // Русская Старина. 1904. № 2. С. 425–431.

REFERENCES

Aksakov S.T. (1895) Collected Works in 6 volumes. Vol. 3. Moscow. Edition of A.A. Kartsev. 450 p.

Balakshina Yu.V. S.P. Shevyrev, Aksakovs and the History of the Distribution of the “Author’s Confession” in the Lists. In: N.V. Gogol and His Literary Environment. Eighth Gogol readings. Collection of reports of the International Conference. Moscow. Festpartner Publ. 2009, pp. 92–98.

Balakshina Yu.V. “Author’s Confession”: On the History of the Title and Genre. In: Ninth Gogol Readings. N.V. Gogol and Russian Literature. To the 200th anniversary of the birth of the great writer. Moscow. Festpartner Publ. 2010, pp. 83–88.

Balakshina Yu.V. On the History of Posthumous Publications of Works by N.V. Gogol. From the correspondence of contemporaries (introductory note, preparation of the text and comments by Yu.V. Balakshina). *Russkaya Literatura*. 2011. No 2, pp. 159–172.

Balakshina Yu.V. N.V. Gogol’s “Author’s Confession”: The History of Reception in Russian Critique. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2020. No 2. March, pp. 61–67.

Bartenev P.I. From Letters to V.A. Zhukovsky. *Russky Arkhiv*. 1902. No 7, pp. 437–459.

Belinsky V.G. The Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol. Second edition. Moscow, 1846. *Sovremennik*. 1847. Vol. 1. No 1. Section 3, pp. 56–59.

Belinsky V.G. Selected Passages from Correspondence with Nikolai Gogol’s Friends. St. Petersburg. 1847. *Sovremennik*. 1847. Vol. 1. No 2. Section 3, pp. 103–124.

Belinsky V.G. Collected Works: In 9 vols. Moscow: Fiction, 1976–1982. Vol. 1, 9. 736 + 863 p.

Vinogradov I.A. (2000) Gogol is Artist and Thinker: Christian Foundations of Worldview. Moscow. IWL RAS Press. 448 p.

Vinogradov I.A. Unknown Autographs of Two Articles by N.V. Gogol about the Church and the Clergy. On the History of the Publication of Selected Places from Correspondence with Friends. In: Problems of Historical Poetics. Issue 7: Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th cs. Quote, Reminiscence, Motive, Plot, Genre. Issue 4. Collection of scientific papers, Petrozavodsk State University. IV International Conference Proceedings. June 2002. Petrozavodsk. 2005, pp. 219–245.

Vinogradov I.A. From “Nevsky Prospekt” to “Rome”. In: Gogol N.V. Complete Collection of Works and Letters: In 17 vols. (15 books) / Compilation, preparation of texts and comments by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Vols. 3/4. Moscow; Kyiv. Moscow Patriarchy Publishing House. 2009, pp. 505–570.

Vinogradov I.A. Gogol in Contemporaries’ Memoirs, Diaries and Correspondence. Full systematic set of documentary evidence: In 3 vols. Moscow. IWL RAS Press. 2011–2013. 904 + 1031 + 1168 p.

Vinogradov I.A. Holy “Evenings...”: “Delight and Edification” “Nights before Christmas”. *Russkaya Literatura*. 2016. No 2, pp. 41–48.

Vinogradov I.A. The Most Patriotic Book in Our Literature (“Selected passages from correspondence with friends of Nikolai Gogol”). *Literary Fact*. 2017. No 5, pp. 416–426.

Vinogradov I.A. The Most Patriotic Book in Our Literature (“Selected passages from correspondence with friends of Nikolai Gogol”). In: Current Questions of the Study of Spiritual and Secular Literature / Ed. by M.I. Shcherbakova; IWL RAS. Moscow. “U Nikitskih Vorot” Publ. 2017. Issue 1, pp. 77–94.

Vinogradov I.A. Blessed are the Peacemakers. From the Tale of Two Ivans to the Concept of “Dead Souls”. *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 2017. No 3, pp. 7–18.

Vinogradov I.A. Blessed are the Peacemakers. From the Tale of the Two Ivans to the Concept of “Dead Souls” (continued). *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 2017. No 4, pp. 51–67.

Vinogradov I.A. Journey in the Works of Gogol. Gogoleznavchi Studii. Gogol’s Studios / N. Gogol Nizhyn State University; T.G. Shevchenko Institute of Literature ASU. Nizhyn, 2017. Issue 6(23), pp. 24–60.

Vinogradov I.A. Chronicle of the Life and Work of N.V. Gogol (1809–1852). With the pedigree chronicle (1405–1808). Scientific publication: In 7 vols. Moscow. IWL RAS Press. 2017–2018. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p.

Vinogradov I.A. (2018) Passion for Gogol. On the Spiritual Heritage of the Writer. Scientific and popular publication. Moscow. Veche Publ. 320 p.

Vinogradov I.A. N.V. Gogol’s Literary Sermon: pro et contra. *The Problems of Historical Poetics*. 2018. Vol. 16. No 2, pp. 49–124.

Vinogradov I.A. “Disappointed People” in the Work of N.V. Gogol. *The Problems of Historical Poetics*. 2018. Vol. 16. No 4, pp. 29–114.

Vinogradov I.A. Slavophil Statesman. Gogol in the Movements of the Era. *Two Centuries of Russian Classics*. 2019. Vol. 1. No 2, pp. 38–63.

Vinogradov I.A. The Phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol’s View. *Literary Fact*. 2019. No 2(12), pp. 189–224.

Vinogradov I.A. “Superfluous People” of Russian Literature: New in the School Theme. *Stephanos*. 2019. No 3(35), pp. 108–120.

Vinogradov I.A. “Superfluous People” in Russian Literature: Gogol’s Word. *Studio Litterarum*. 2019. Vol. 4. No 3, pp. 188–209.

Vinogradov I.A. Psychologism N.V. Gogol. *Two Centuries of Russian Classics*. 2020. Vol. 2. No 4, pp. 6–73.

Vinogradov I.A. A.S. Khomyakov and N.V. Gogol: The Question of Relationships. *Russian-Byzantine Bulletin*. 2021. No 1(4), pp. 32–69.

Vinogradov I.A. Teaching and Preaching in the First Published Story by N.V. Gogol (“Bisavryuk, or Evening on the eve of Ivan Kupala”, 1830). *The Problems of Historical Poetics*. 2022. Vol. 20. No 1, pp. 54–119.

Vinogradov I.A. German Romantic V.G. Wackenroder and the 20th century: N.V. Gogol. In: *The Literary Process in Russia in the 18th–19th cs. Secular and Spiritual Literature / IWL RAS*, Executive ed. by M.I. Shcherbakova, V.G. Andreeva. Moscow. IWL RAS Press. 2022. Issue 3 (accepted for publication).

Galakhov A.D. One Hundred and One. Letter to N.V. Gogol about the Preface to the second edition of *Dead Souls*. *Otechestvennye Zapiski*. 1847. Vol. 50. No 2. Section 5, pp. 77–82.

Gogol N.V. Teaching Plan for World History. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. 1834. Part 1. No 2. February. Section II, pp. 189–209.

Gogol N.V. Author's Confession. Gogol N.V. Works by N.V. Gogol, found after his death: *Dead souls*, volume two (five chapters), and the Author's confession. Moscow. In the University Printing House. 1855, pp. 243–304.

Gogol' N.V. Complete Works. In 14 vols. Vol. 5 / The text was prepared, comments by A.L. Slonimsky, A.A. Nazarevsky, M.P. Alekseev. Leningrad. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1949. 512 p.

Gogol' N.V. Full Collected Works and Letters in 17 vols. (in 15 books) / Compilation, preparation of texts and comments by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev. Moscow Patriarchate Publishing House. 2009–2010.

Kulish P.A. Nikolai M. Notes on the Life of Nikolai Vasilievich Gogol, compiled from the memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters. In two volumes. With a portrait of Gogol. Vol. 1. St. Petersburg. In the Printing House of Alexander Yakobson. 1856. 339 p.

Linnichenko I.A. New Materials for the Biography of N.V. Gogol. *Russkaya Mysl*. 1896. No 5, pp. 150–192.

Lutsevich L.F. Autoreception as an Attempt to Form a Literary Reputation in Nikolai Gogol's "Author's Confession". In: *Gogol's Work and Russian Social Thought. Thirteenth Gogol Readings*. Novosibirsk. Novosibirsk Publishing House. 2013, pp. 176–184.

Lyamina E.E., Samover N.V. (1999) "Poor Joseph": The Life and Death of Joseph Vielgorsky. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury. 560 p.

Lyaskovskiy V.N. (1899) *Brothers Kireevsky. Their Lives and Labors*. St. Petersburg. Publication of the Society of Zealots of Russian Historical Education in Memory of Emperor Alexander III. 99 p.

Maykov V.N. *Adventures of Chichikov, or Dead Souls*. Poem by N. Gogol. Second edition. Moscow. 1846. In the university printing house. In the 8th share of the sheet. 417 pp. *Otechestvennye Zapiski*. 1846. Vol. 49. No 12. Section 6, p. 57.

Martynov V.A. (2013) *At the Origins of the "Russian Idea": The Life and Fate of S.P. Shevyrev*: Monograph. Moscow. Forum Publ. 2013. 280 p.

Ostolopov N.F. *Dictionary of Ancient and Modern Poetry*, compiled by Nikolai Ostolopov, a full and honorary member of various learned societies. Part 1. St. Petersburg. Printing House of the Imperial Russian Academy. 1821. 531 p.

Pavlov N.F. The First Letter to N.V. Gogol (N.F. Pavlov). *Moskovskie Vedomosti*. 1847. March 6. No 28, pp. 217–219.

Pletnev P.A. Report of the Imperial Academy of Sciences on the Department of the Russian Language and Literature for 1852. Compiled by ordinary academician P.A. Pletnev and read to them at the solemn annual meeting of the Academy on December 29, 1852. In: *Proceedings of the Imperial Academy of Sciences in the Department of the Russian Language and Literature*. Vol. 2. Folios 3–5. St. Petersburg. 1853. Columns 33–62.

Pushkin A.S. Imitations of Dante. In: *Pushkin A.S. Works of Alexander Pushkin*. Vol. 9. St. Petersburg. In the Printing House of I. Glazunov and C°. 1841, pp. 172–176.

Rozanov A.S. F. Liszt in Rome in 1839 (based on the family archive of the Counts Vielgorsky). In: Monuments of Culture. New discoveries. Yearbook. 1983. Leningrad. Nauka Publ. 1985, pp. 295–303.

Samarin Yu.F. Works by Yu.F. Samarina. Moscow. Vol.12: Letters 1840–1853 / Ed. by A.I. Mamontov. 1911. 478 p.

Svinin P.P. Preface. *Otechestvennye Zapiski*. 1818. No 1, pp. 1–4.

Sushkov N.V. Convoy to Posterity with Books and Manuscripts. From the notes of N.V. Sushkov. In: Routh. Historical and Literary Collection. Book 3. Moscow. Edition of N.V. Sushkov. 1854, pp. 235–409.

Tikhonravov N. Editor's Notes and Options. In: Gogol' N.V. Works. 10th edition: In 7 vols. The text is verified with the author's handwritten manuscripts and the initial editions of his works by N. Tikhonravov. Vol. 4. Moscow. Publication of V. Dumnov's Bookstore, under the firm "Heirs of the Salaev brothers". 1889, pp. 465–619.

Trushkovsky N. From the publisher. In: Gogol N.V. Works by N.V. Gogol, found after his death. Moscow. In the University Printing House. 1855, pp. V–XI.

Shevyrev S.P. On the Significance of Zhukovsky in Russian Life and Poetry. Speech delivered at the solemn meeting of the Imperial Moscow University by Ordinary Professor of Russian Literature S. Shevyrev. January 12, 1853. Moscow. In the University Printing House. 1853. 83 p.

Shevyrev S.P. Letters to S.P. Shevyreva – K.S. Serbinovich and Prince P.A. Shirinsky-Shikhmatov. *Russkaya Starina*. 1904. No 2, pp. 425–431.

Сведения об авторе:

Игорь Алексеевич Виноградов,
доктор филол. наук
гл. научный сотрудник
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН

Igor A. Vinogradov,
Doctor of Philology
Chief Investigator
A.M. Gorky Institute
of World Literature RAS

info@imli.ru